РОДИНА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ

№ 9. 27-го Февраля 1905 г. XXVII-й годъ изданія

Редакція, главная контора и отдѣленіе:
С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1) Лиговская, соб. д., № 114. 2) Садовая ул., домъ № 20.

ИЗДАНІЕ А. А. КАСПАРИ.

Отдѣленіе главной конторы „РОДИНА":
МОСКВА. Петровскія линіи, противъ гостиницы „Россія", магазинъ № 12.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДЪ: Безъ доставки въ С.-Петербургѣ 5 р. | Съ доставкой въ С.-Петербургѣ 5 р. 50 к | Безъ достав. въ Москвѣ 5 р. 25 к. | Съ пересылкой по всей Россіи 6 р. | За границу 10 р.

Съ пересылкой по всей Россіи за 6 мѣсяцевъ 3 р., за 3 мѣсяца 1 р. 50 к., на 1 мѣсяцъ (безъ приложен.) 50 к.

Разсрочка допускается: при подпискѣ 2 р., 1-го марта—1 р., 1-го іюня—1 р., 1-го августа—1 р. и 1-го сентября—1 р.

ЛЮБЪ-ТРАВА.

Историко-бытовой романъ

графа Е. А. Салiаса.

(Продолженіе.)

ТАКЪ какъ, по свѣдѣніямъ, собраннымъ княземъ, у Батищева было много родственниковъ и друзей въ Петербургѣ, то онъ могъ, дѣйствительно, поѣхать хлопотать о себѣ.

— Ну, ты, Соломонъ! — сказалъ князь, — поразсуди-ка, поразумай и скажи, что мнѣ дѣлать... Ну, вдругъ, въ самомъ дѣлѣ, онъ схлопочетъ и обдѣлаетъ свое дѣло? Что тогда будетъ? Все прахомъ пойдетъ. Нешто я могу вмѣстѣ съ нимъ опекать Мариночку? Вѣдь, это будетъ уже совсѣмъ два медвѣдя въ одной берлогѣ, да при этомъ сказать надо, одинъ-то медвѣдь хиленькій, а другой-то косолапый Мишка, здоровенный. А именно онъ, Батищевъ. Я — простой дворянинъ и честный человѣкъ, а онъ — плутъ, ехида, судейскій крючекъ, стрекулистъ. Онъ — то-же, что ты, крапивное сѣмя.

— Спасибо за слово, — отозвался Миничъ.

— Ну, да, да, обижайся! Извѣстное дѣло, что вы—крапивное сѣмя. Такъ вотъ ты обсуди и вытащи меня изъ воды. Не впервой. Подумай. Я тебѣ двѣ недѣли срока даю.

— Зачѣмъ двѣ недѣли, ваше сіятельство! мнѣ достаточно и двухъ минутъ. А съ тѣхъ поръ, что я прочелъ письмо, прошло и двадцать, коли не тридцать. Стало быть, нечего мнѣ еще срокъ давать.

— Такъ что-же дѣлать, по-твоему?

— Откупиться.

— А какъ-же такъ?

— Да какъ откупаются. Дайте ему отступного. Повидайте его. Да не вызывайте къ себѣ, а ступайте сами къ нему въ гости, обойдитесь съ нимъ

„КАЖЕТСЯ, ѢДУТЪ!" По фотографіи съ натуры **В. Ченцова.**

ласково, объясните, что вы сами полагаете, что онъ обойденъ Зоричемъ и что ему слѣдовало-бы опекуномъ быть, а, въ концѣ концовъ, какъ-нибудь похитрѣе, да и благоприличнѣе предложите ему денегъ въ утѣшеніе... якобы въ видѣ того жалованья, которое онъ получалъ-бы, какъ опекунъ. Да вы только не думайте, князь, что онъ возьметъ съ васъ тысячъ десять,-двадцать. Ни-ни! Подымай выше! Онъ такое запалитъ, что васъ оглушитъ, какъ изъ пушки. Неудивляйтесь, если дойдетъ до ста тысячъ и больше. Да что-же вамъ? вы не изъ своихъ заплатите?

— А коли онъ возьметъ большія деньги да потомъ, будучи извѣстнымъ жадникомъ и ехидникомъ, все-таки пойдетъ о себѣ хлопотать?

— Мы съ него, князь, возьмемъ бумажку, которую я состряпаю. Онъ распишется въ полученіи денегъ. И если онъ опять вздумаетъ обманнымъ образомъ хлопотать, то мы его тотчасъ-же заставимъ уплатить обратно то, что онъ взялъ.

Разумѣется, князь, не откладывая, съ помощью Минича завелъ переговоры съ начальникомъ земской канцеляріи.

Дѣло оказалось легче, чѣмъ онъ думалъ. Господинъ Батищевъ тотчасъ-же согласился на все, а согласился онъ быстро потому, что письмо его было хитрой, но пустой угрозой. Онъ самъ отлично зналъ, что ему ничто не удалось-бы, если-бы онъ даже поѣхалъ хлопотать въ Петербургъ.

Черезъ нѣсколько времени князь былъ доволенъ, что отдѣлался путемъ отступного отъ неожиданной помѣхи въ лицѣ приказнаго крючка, а Батищевъ былъ не только доволенъ, но и счастливъ, такъ какъ считалъ, что провелъ глуповатаго князя и зря, ни за что получилъ крупную сумму, цѣлое состояніе, которое совершенно мѣняло его положеніе. Другой на его мѣстѣ тотчасъ-же бросилъ-бы службу, купилъ-бы себѣ большое имѣніе и жилъ-бы припѣваючи. Но жадный Батищевъ положилъ деньги туда-же, куда складывалъ даже гроши, и продолжалъ, лишая себя всего, чуть не пищи, орудовать въ своей земской канцеляріи и тащить послѣдній грошъ съ послѣдняго нищаго.

Когда тёзки, князь Андрей Григорьевичъ Ягузинскій и Андрей Григорьевичъ Батищевъ, встрѣчались въ Москвѣ въ гостяхъ на обѣдахъ или вечерахъ, то встрѣчались прямо друзьями. Батищевъ, издали завидя князя, шелъ къ нему съ распростертыми объятіями, а князь волей-неволей, тоже улыбаясь, встрѣчалъ его и, облобызавшись, они начинали говорить, какъ родственники и друзья.

„Ну, что-же, въ концѣ концовъ, слава Тебѣ, Господи, что такъ“,—думалъ князь.

„Посмотримъ! Обожду годика два-три, а, можетъ быть, и еще что съ тебя, дурака, сорву,— думалъ Батищевъ.— Ты хоть и князь, а простой дворянинъ, а я — начальственный, правительственный человѣкъ. Вы — люди ведомые, а мы — люди ведущіе. Разница не маленькая“.

XX.

Съ нѣкоторыхъ поръ въ домѣ князя была крупная перемѣна въ томъ смыслѣ, что всѣмъ жилось какъ-то веселѣе и легче. Очевидно, что это произошло отъ присутствія молодой дѣвушки, тихой и молчаливой, а, тѣмъ не менѣе, все-таки вліяющей на окружающихъ однимъ своимъ присутствіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, не малую роль играло и то обстоятельство, что князь тратилъ крупныя деньги, звалъ чаще гостей, устраивалъ обѣды и вечера.

Впрочемъ, богачка-невѣста, полуребенокъ и дичокъ чуждалась гостей — и стариковъ, и молодыхъ. Зато она привыкла къ домашнимъ, уже любила Завьяловыхъ и ласково относилась къ Башкировымъ, хотя Лисафа была ей не по сердцу, а ея сынъ смущалъ ее если не рѣчами своими, то взглядомъ ястребиныхъ глазъ. Восколько Никуша Узинскій былъ ей привлекателенъ, востолько Абрамъ ее стѣснялъ и будто заставлялъ робѣть. Она боялась даже оставаться съ нимъ наединѣ, въ особенности въ саду, гдѣ они часто, чуть не ежедневно, встрѣчались.

Всѣ въ домѣ видѣли, что двое молодцовъ, Узинскій и Башкировъ, липнутъ къ Маріаннѣ Павловнѣ и „лебезятъ“, но каждый на свой ладъ: одинъ скромно, словно красная дѣвица, а другой дерзко, назойливо.

Одновременно Абрамъ становился задумчивъ и угрюмъ, больше сидѣлъ дома и удивлялъ даже свою мать перемѣной въ характерѣ и поведеніи.

Однажды, на вопросъ Лисафы: „Что съ тобой? Ты хворъ, что-ли?“, Абрамъ усмѣхнулся и, подумавъ, заговорилъ:

— Давай, матка, побесѣдуемъ о дѣлѣ.

— Давай. О какомъ?..

Абрамъ началъ говорить о князѣ, о Мариночкѣ, объ опекунствѣ, о мотовствѣ князя и, наконецъ, объяснилъ:

— Долго такъ тянуться не можетъ. Князь скоро подумаетъ и о томъ, что не велика радость четыре годика повеселиться, покататься, якобы сыръ въ маслѣ, а тамъ начать поститься, опять начать великопостную жизнь. Онъ подумаетъ о томъ, какъ-бы ему все иждивеніе этой дѣвочки навсегда, до послѣдняго издыханія, имѣть въ рукахъ, а, значитъ, пуще всего остерегать ее, чтобы она за кого замужъ не вышла.

— Мудрено это, Абраша! Захочетъ за кого выйти, ничего не подѣлаешь, какой опекунъ ни будь.

— Будетъ стараться, а коли ужъ это что приключится и выйдетъ она за кого, то онъ сейчасъ другую пѣсенку затянетъ, съ этимъ самымъ будущимъ суженымъ, какой найдется въ Москвѣ, Андрей Григорьевичъ заведетъ особую бесѣду. Вотъ догадайся, матка!

— О чемъ догадываться-то?

— А какую онъ заведетъ бесѣду.

— Нешто это можно угадать. Да и ты не знаешь, только зря языкомъ болтаешь.

— Нѣтъ, не зря. Слушай-ка! да слушай въ оба уха!

— Ну, ну, сказывай! — нетерпѣливо отозвалась мать.

— Заведетъ онъ такую бесѣду: „хочешь ты на Маріаннѣ, мною опекаемой, жениться?“. Тотъ скажетъ: „хочу“. А князь скажетъ: „а я что получу за это? шишъ или магарычъ? Коли шишъ, такъ я всячески помѣшаю, а коли мнѣ будетъ отъ тебя подарочекъ, то я согласенъ“. Коли у нея, скажемъ, какъ болтаютъ ея люди, четыре либо пять тысячъ душъ въ разныхъ губерніяхъ, такъ, вѣдь, это что? Прямо страшнѣющее иждивеніе! Вотъ князь и скажетъ: „одну-то тысячу душенокъ или двѣ и мнѣ дай“. Вотъ тогда по рукамъ, и князь начнетъ ужъ помогать, а не мѣшать.

Наступило молчаніе, послѣ котораго Башкирова выговорила:

— Да что-же намъ-то до этого до всего? что-же ты ухмылялся, лисой прикидывался? Подумаешь, намъ отъ этого выгода какая, ограбитъ онъ ее совсѣмъ или ни гроша себѣ не возьметъ, выдастъ онъ ее замужъ за кого или не выдастъ! И что произойдетъ промежъ нихъ, намъ-то до этого какое дѣло? Вѣдь, ни шерсти, ни молока?

— Да, — протянулъ Абрамъ, ухмыляясь и хитро поглядывая въ глаза матери, — да, конечно... Коли ты разсуждаешь эдакъ, то намъ ни шерсти, ни молока не получить...

— Да полно тебѣ загадки загадывать! — вдругъ закричала Елизавефа Давыдовна, дѣйствительно разсердившись. — Говори толкомъ! Чего глазищи-то щуришь да подмигиваешь? Нашелъ, съ кѣмъ баловаться! Говори прямо, что у тебя на умѣ?

— Да ничего, собственно, особеннаго, — усмѣхнулся Абрамъ. — Я — дуракъ, какъ-же мнѣ умное-то надумать? А вотъ я знаю такого молодца, у котораго есть мать и отецъ. Отецъ — человѣкъ степенный, тихій да скромный, убожествомъ началъ, убожествомъ и, Богъ дастъ, покончитъ. А она-то, его жена, баба умная, семь пядей во лбу, про нее не скажутъ, что у нея царя въ головѣ нѣтъ, извини! У нея въ головѣ-то, скажу, десять царевъ сидятъ. Вотъ какая! И вотъ у нихъ есть сынъ, тоже малый не промахъ, изъ себя казистый. И вотъ они, отецъ съ матерью, все хотятъ этого самаго сына женить, да дѣло не ладится. Почему? Чертъ его знаетъ! Колдуны какіе заколдовали? И вотъ теперь выходитъ такое происхожденіе дѣлъ, что они своего сына могутъ женить, да такъ женить, что вся Москва ахнетъ, на такой дѣвицѣ, которая богаче всѣхъ московскихъ.

— На комъ-же это?

— На комъ? Да мы о комъ говорили? На той, стало быть, этой самой Зоричевой Маринкѣ.

— Кто-же это такіе?

— Да ужъ такіе люди, которыхъ я знаю. А коли сынъ-то женится на эдакой богачкѣ, такъ его отецъ съ матерью какіе будутъ важные люди во всей Москвѣ, какіе будутъ обѣды да ужины давать! первые хлѣбосолы будутъ во всей столицѣ и всѣ къ нимъ не только что съ поклонами, а на карачкахъ лазить будутъ по полу да ножки цѣловать имъ будутъ.

— Вотъ ужъ ахинею-то наплелъ, — развела руками Елизавефа. — Вѣдь, я, Абрамъ, совсѣмъ ужъ теперь ничего не понимаю. И какое-же тебѣ дѣло до того, что какіе-то тамъ есть люди въ Москвѣ, которые собираются сына женить на этой Зоричевой? намъ-то до этого какое дѣло?

— А такое дѣло, что пора имъ, этимъ батькѣ съ маткой, начинать. Откладывать опасно: проморгать можно. Сейчасъ надо начинать.

— Какъ? что начинать? — удивилась Башкирова.

— Вѣстимо, что — орудовать. Ловко, искусно! Заварпвать кашу! Захлять свадьбу, да такую свадьбу, что я, для примѣра, коли на ней буду, такъ нельзя будетъ мнѣ потомъ говорить, что я „тамъ былъ, медъ, пиво пилъ, по усамъ текло, а въ ротъ не попало“. Я скажу: я тамъ былъ, медъ, пиво пилъ и по усамъ у меня текло, да только не протекло, а все въ ротъ попало... и такъ попало, что другимъ почти ничего не досталось: все въ меня прошло.

Елизавефа поглядѣла на сына, долго проницательно, потомъ закачала головой.

— Что поняла, что-ли? — разсмѣялся Абрамъ.

— А чертъ тебя знаетъ, прости Господи! Можетъ быть, поняла всю твою ахинею, а можетъ, ничего не поняла, вообразила. Ты про себя это, стало быть, про насъ?

— А то нѣтъ? Про царя Додона или про какую принцессу Ирбитьевну? Что-же ты, какъ полагаешь, глупое я выдумалъ?

— Глупое, нѣтъ! но только такое мудреное, что я сразу-то и въ мысляхъ запуталась. Ничего я отвѣтить не могу. Кажетъ мнѣ, что это ты только все путаешь. Такъ, сновидѣніе какое-то. Будто и впрямь все обстоитъ, какъ-бы вотъ назвать, воочію и днемъ. А тамъ проснется человѣкъ и остается ему только одно — плюнуть да перекреститься. Во снѣ-то онъ былъ въ серебряномъ царствѣ, да потомъ въ золотое попалъ, а проснулся и увидалъ, что въ лужѣ дождевой лежитъ—спьяна кувырнулся, растянулся, захрапѣлъ и всякія его видѣнья привидѣлись ему.

Однако, рѣчи Абрама глубоко запали въ душу Елизавефы Давыдовны. И, чѣмъ болѣе думала она о томъ, что слышала отъ него, тѣмъ болѣе волновалась. Оставшись одна, она послѣ долгаго раздумья вдругъ воскликнула вслухъ:

— Умна иль не умна? А коли, полагательно, умна, такъ вотъ и берись, на всѣ лады берись. И Бога на помощь призывай... и душу дьяволу-искусителю продавай. Не мытьемъ, такъ катаньемъ. Насъ съ Абрамомъ грѣховностью не испугаешь. На свѣтѣ съ однимъ добромъ далеко не уѣдешь!

И, подумавъ еще, она рѣшила:

„Нечего откладывать. Сейчасъ-же моего Михаила за бока. Хотя отъ него прока и мало, а все-таки надо и ему все повѣдать“.

И Лисафа просидѣла до полуночи, ожидая мужа изъ гостей, и, когда онъ, наконецъ, явился, заговорила съ нимъ о своемъ вдругъ возникшемъ проэктѣ насчетъ Абрама и барышни Зоричъ.

Она начала издалека и стала говорить объ опекунствѣ князя, объ его мотовствѣ, легкомысліи и о справедливости вообще.

— Долженъ онъ, Андрей Григорьевичъ, — сказала, наконецъ, Лисафа, — по справедливости, скорѣе выдать эту дѣвочку замужъ и отдать ей все ея состояніе въ цѣлости. И вотъ кое-кому надо-бы стараться, чтобы это приключилось безъ отлагательства.

— Кому-же это стараться?

— Мало-ли кому... Хотя-бы и мнѣ.

— Тебѣ?

— Да, мнѣ. Чего глаза пучишь? Слушай-ка. Говорила я сто разъ тебѣ, что княгиня повторяетъ всякій день, что надо Абрама женить?

— Давно говорила.

— И правду ей надо отдать: она не разъ собиралась помогать. Да, вишь, Абрамъ-то нашъ на счету самыхъ отчаянныхъ, и дѣло-то не ладилось. А теперь все перевернулось и обстоитъ совсѣмъ иначе.

— А теперь иначе? Отчего? Не пойму.

— Теперь у насъ съ княгиней завелась невѣста подневольная, поднадзорная. Что съ ней власть имущіе надъ ней захотятъ, то и сдѣлаютъ: захотятъ за кого замужъ выдать, и выдадутъ. Понялъ-ли?

— Понялъ. Да только что-же ты хочешь сказать?

— Стало быть, не понялъ. Ну, а что если дѣвочку, у которой десятокъ вотчинъ, да выдадутъ замужъ за Абрама Михайловича Башкирова.

— Чего-о? — протянулъ отчаянно громко Башкировъ.

— Ну, да, вѣстимо. Такимъ, какъ ты, самое простое дѣло чудомъ кажетъ. А я тебѣ говорю, что это дѣло вовсе не такое мудреное. Только взяться за него. Возьмусь, вѣстимо, я, а ты долженъ мнѣ всячески помогать, перестать бѣгать по гостямъ да пропадать изъ дома, а дѣлать все то, что я тебѣ скажу, а, главное, дѣлать умѣючи.

— Что-же? Я готовъ, на что хочешь... всей душой. Да на что?

— Надо тебѣ будетъ изловчиться да ухватить князя Андрея Григорьевича за носъ.

— Чего? Какъ за носъ?

— Да. Ухватить его за носъ, да и повести. Да такъ за носъ и водить, пока нужно будетъ.

— Что ты, Лисафушка? И понять нельзя.

— Я тебѣ помогу и ухватить его за носъ, и водить начать. Но это — не все, будетъ многое и другое. Только другое-то все я ужъ на себя возьму, да еще двухъ помощниковъ себѣ пріищу. Одинъ-то изъ нихъ я тебѣ скажу кто. А то ужъ и обоихъ назову. Одинъ—Евсѣичъ, а другой-то—Миничъ. Обоихъ я не то что возьму, а найму. И найму за хорошія деньги... такія, что они оба будутъ мнѣ стараться и тѣломъ, и душой. Да,—прибавила Лисафа глухимъ голосомъ,—кажется, теперь пришло такое время, что надо, наконецъ, взяться за дѣло, и не пропустить. Суется лафа въ руки, сама. Ну, и не зѣвай, а лови скорѣе, похитрѣе да посмѣлѣе. Прозѣваешь—и мигнетъ мимо носа.

Тоже около полуночи Абрамъ еще не спалъ, а совсѣмъ не оправдывая своей должности, такъ какъ всегда по дорогѣ застрѣвалъ у своихъ безчисленныхъ московскихъ знакомыхъ. Впрочемъ, какъ въ домѣ между своихъ, такъ и во всей Москвѣ красавецъ малый лѣтъ двадцати пяти былъ совершенно неизвѣстенъ подъ своимъ настоящимъ именемъ. Зато онъ былъ очень извѣстенъ своимъ прозвищемъ „Миляй“, ясно опредѣлявшимъ, что молодой малый всюду и вездѣ нравился и былъ всѣмъ милъ.

Однако, нѣкоторые изъ обывателей княжаго дома прозвали Миляя иначе и, конечно, не въ глаза и не при его близкихъ, а заглазно, звали его „Виляй“.

И это прозвище тоже шло къ молодцу, такъ какъ онъ былъ ловкій, хитрый и умѣлъ выходить сухимъ изъ воды въ глазахъ господъ каждый разъ, какъ попадался въ чемъ-нибудь.

ВЕСЕЛАЯ ПОѢЗДКА. Съ картины **Я. Вешина** гравир. для „Родины“ **Б. Пуцъ**.

сидѣлъ одинъ въ своей комнатѣ у окошка, бренчалъ на гитарѣ и опять мечталъ все о томъ-же, что, по его выраженію, „втемяшилось“ ему вдругъ въ голову. Это „нѣчто“ овладѣло имъ такъ сильно, что онъ самъ дивился. Дѣло было невѣроятное, чудеса въ рѣшетѣ, съ одной стороны, казавшееся нелѣпой выдумкой, а съ другой стороны, дѣломъ совершенно возможнымъ, если только мать вступится, а княгиня захочетъ помочь.

Мечтанія Абрама были прерваны приходомъ пріятеля. Высокій, стройный и чрезвычайно красивый малый, по имени Кронидъ Зуевъ, не вошелъ, а ворвался въ комнату пріятеля.

Это былъ дворовый князя, скороходъ, котораго, однако, почти никуда не посылали, кромѣ какъ къ почетнымъ лицамъ, и который ходилъ и возвращался,

При видѣ вошедшаго Абрамъ бросилъ гитару и выговорилъ:

— Ну, что? говори скорѣе.

Миляй бухнулся на стулъ, опрокинулся на его спинку, вытянулъ ноги, опустилъ руки по бокамъ туловища и вымолвилъ:

— Ухъ! умаялся изъ-за тебя, черта! верстъ десять, а то пятнадцать по жарищѣ отмахалъ. Въ четырехъ мѣстахъ былъ... А одно-то мѣсто знаешь-ли гдѣ? У Симонова монастыря.

— Вона гдѣ! Это зачѣмъ? — удивился Абрамъ.

— А, стало быть, нужно было.

— Ну, что-же дѣло-то? Говори!

— Дѣло-то ничего! Почитай, хорошо.

— Беретъ десять рублей? — обрадовался Абрамъ.

— Взять-то возьметъ, да мы не дадимъ.

XXI.

Несмотря на свое легкомысліе, на свой нелѣпый образъ жизни, Абрамъ теперь, быть можетъ, впервые въ жизни былъ унылъ, не ходилъ въ гости, безъ удовольствія игралъ на гитарѣ и часто задумывался. Лисафа догадывалась, о чемъ сынъ думаетъ, и даже радовалась.

Стало быть, не такой ужъ онъ пустельга, все-таки теперь подумываетъ о себѣ, стало быть, способенъ иной разъ и озаботиться.

Иногда, когда мать приходила отъ княгини, Абрамъ глядѣлъ на нее вопросительно и ничего не говорилъ. Иногда-же тотчасъ-же нетерпѣливо восклицалъ:

— Ну, что, матка? Нѣтъ-ли новаго чего?

Лисафа приходила всегда угрюмая и на вопросъ сына молчала или отмахивалась, или-же произносила:

— Полно тебѣ всякія небылицы болтать.

— Какія небылицы! Такія приходятъ обстоятельства, что либо топись, либо топи.

— Кого-же это ты топить-то будешь? Насъ, что-ли?

— Зачѣмъ мнѣ васъ топить? толка отъ этого никакого. Да и потомъ сиротой оставаться на свѣтѣ, одурь возьметъ. Одинъ да одинъ. Покамѣстъ и есть съ кѣмъ за день-то и побраниться.

— Чудной человѣкъ!—вздохнулъ Башировъ и вышелъ изъ комнаты.

Елизавефа Давыдовна, сидѣвшая противъ сына, пытливо смотрѣла ему въ лицо, какъ-будто думала о чемъ-то, что вдругъ возникло въ ея головѣ. Наконецъ, она выговорила:

— Ты что сказалъ—„утоплюсь“ либо „утоплю“?

— Да, это самое.

ПЕРСИДСКІЕ КУПЦЫ ВЪ ВЕНЕЦІИ. Съ картины **І. Вагресъ** гравир. для „Родины“ **Б. Пуцъ**.

— Новое есть, да только худое.

И Абрамъ не спрашивалъ что. Они понимали другъ друга. Зато нѣсколько разъ въ день Абрамъ выговаривалъ вслухъ, какъ-бы самъ себѣ:

— Лажено, да не сужено!

— Что дѣлать?—произнесъ однажды его отецъ.—Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ.

— Да, батька, вѣрно, — насмѣшливо отозвался Абрамъ.— Человѣкъ наладитъ, а сатана разладитъ.

— Полно грѣшить!—строго отозвался Башировъ.

— Я не грѣшу, а вотъ судьба грѣшитъ, злая судьба пакоститъ. Нѣтъ мнѣ удачи на свѣтѣ. Вотъ подожду-подожду, погляжу-погляжу да либо веревочку раздобуду, либо вотъ изъ сада прыгъ въ Москву-рѣченьку. Одна бѣда, плавать умѣю, а, говорятъ, кто хорошо плаваетъ, тому утопиться мудрено.

— Кого-же это ты утопилъ-бы?

— А кого слѣдуетъ.

— Да говори, кого?

— Ну, зачѣмъ говорить. Эдакое не говорится. А ты, матка, сама, полагаю, догадаться можешь. Есть такой человѣкъ... Самъ по себѣ щенокъ, тля... да вотъ помѣхой быть хочетъ...

— Никита, что-ли?—отозвалась мать.—Все глупости. Мало-ли что старая дура да ребенокъ захотятъ! Вся сила въ князѣ да въ княгинѣ.

Наступило молчаніе, послѣ котораго Елизавефа Давыдовна вымолвила чуть слышно:

— Это такъ сказывается—„утоплюсь“ либо „утоплю“. Легко сказать, а сдѣлать мудрено. Утопиться самому еще легче, а кого другого утопить много мудренѣе.

— Не знаю, какъ кому,—усмѣхнулся Абрамъ съ оттѣнкомъ злобы.—А по-моему, какъ я всегда разсуждалъ, самого себя похѣрить куда мудренѣе, чѣмъ другого. Полагаю, десятокъ другихъ ухлопать легче, чѣмъ самого себя.

— А я говорю, что сказать легко, а сдѣлать мудрено.

— Можетъ, и мудрено, а все-таки можно. И все-таки легче, чѣмъ самого себя.

И снова наступило молчаніе, послѣ котораго Абрамъ вдругъ выговорилъ, смѣясь, но какимъ-то страннымъ, ехиднымъ смѣхомъ:

— А что ты, матка, скажешь, кабы вдругъ прибѣжали да закричали въ домѣ: „утопился, утопился!“?

— Это ты-то?

— Ну, нѣтъ, не я, обо мнѣ рѣчь впереди... а закричатъ—утопился, ну, хоть-бы Никита, что-ли?

— Ну, что-же я скажу? Ничего не скажу. Какое мнѣ до него дѣло? Лишь-бы оно не было твоихъ рукъ дѣло.

Абрамъ забренчалъ на гитарѣ и запѣлъ пѣсенку о томъ, какъ молодецъ съ ножомъ за голенищемъ, съ дубинкой на плечахъ ходилъ, погуливалъ по городамъ и селамъ, пріятелей заводилъ, красавицъ цѣловалъ, деньги наживалъ. А тамъ его посадили въ яму, а тамъ ему голову отрубили, руки и ноги отсѣкли, а онъ умираючи все одно говорилъ: „Улица моя не долгонька была, да зато широконька. Слава Тебѣ, Господи! Прости, Господи, всѣ прегрѣшенія мои. А началъ-бы я жизнь свою съ начала, то и грѣшить началъ-бы съ начала. А безъ грѣховъ не сталъ-бы жить. По грѣхамъ въ адъ кромѣшный попадешь. А безъ грѣховъ на землѣ въ аду кромѣшномъ находишься. Такъ ужъ лучше послѣ въ аду-то быть, чѣмъ прежде“...

Въ тотъ-же день въ сумерки къ Абраму снова зашелъ его первый другъ Миляй. Абрамъ былъ сумраченъ, а его другъ еще сумрачнѣе, почти грустенъ.

— Ничего я надумать не могу,—сказалъ Абрамъ.—Знаешь, матка — ума палата, самая умная во всемъ домѣ, а и она разводитъ руками и говоритъ, что хоть лбомъ о стѣну бей, а ничего подѣлать нельзя. А у Никиты точно будто ладится дѣло. Князь и княгиня либо слѣпы, либо мирволятъ.

— Ну, стало быть, такова судьба,—отозвался Миляй,—стало быть, опричь того, о чемъ мы болтали, ничего другого нельзя придумать.

— Страшно, Миляй!

— Вѣстимо, совсѣмъ страшно. Да что-жъ дѣлать?

— И узнается.

— Ну, а это—вздоръ. Я сто разъ свое скажу: не можетъ узнаться. Ты да я знать будемъ. Ты не скажешь, а я что-же, безумный, что-ли? Да и опять-таки, за что я буду себя губить болтовней? Да и опять скажу: я, вѣдь, и недаромъ иду на это. Избавимся отъ этого идола да наладится твое дѣло, ты меня не забудешь—я тоже разбогатѣю. Или собираешься обмануть?

— Что ты, Богъ съ тобой!—отозвался Абрамъ.

— Ну, вотъ все разсудимъ заранѣе, а сами, вѣстимо, обождемъ, чтобы совсѣмъ все дѣло стало, какъ на ладони, чтобы зря не губить никого. А будетъ все ясно, какъ день, вотъ мы тогда съ тобой все и переладимъ на нашъ ладъ. А все-таки, какъ я сказываю, надобно тотчасъ-же и начинать. Первѣй всего надобно, чтобы лодку починили. Сегодня я опять ее пробовалъ: такая течь, что четверть версты не проѣдешь. Вмѣсто того, чтобы изнывать, пообсуди все, какъ слѣдуетъ, да и рѣшайся, а мнѣ только слово скажи. Я готовъ. И не токмо что я не боюсь, а даже радъ и ужъ, такъ и быть, скажу тебѣ, почему радъ: мнѣ самому тяжко приходится.

— Это почему?—удивился Абрамъ.

— Полюбилась мнѣ дѣвушка.

— Вонъ какъ! Ишь, какое новое сказалъ, у тебя по два раза на дню это бываетъ.

— Нѣтъ, Абраша! Видно, всему на свѣтѣ бываетъ предѣлъ. Полюбилась мнѣ дѣвушка уже давненько и начала любиться все пуще да пуще. А теперь я безъ нея и часа времени пробыть не могу.

— Вонъ оно что! Удивилъ!

— И вотъ теперь день и ноченьку вижу одно—разбогатѣть. А какъ разбогатѣть, ничего выдумать не могу. Только одно и есть: помогу я тебѣ въ важномъ дѣлѣ, наладится твоя судьба, ты мнѣ поможешь наладить и мою. А мнѣ только одно—откупиться, выкупить мою красну-дѣвицу отъ господъ, жениться и зажить по-человѣчьи.

— А кто такая это твоя красна-дѣвица, изъ-за которой ты изнываешь?

— Коли ты мнѣ важное дѣло довѣрилъ по дружбѣ, то и я тебѣ скажу... Файка.

— Файка!—ахнулъ Абрамъ и даже привскочилъ.

— Да, никто другая.

— Какъ-же я этого не зналъ? какъ-же ты мнѣ, первому другу?..

— Никогда не сказался? Что дѣлать, Абраша? Она просила. Мы страшно укрываемся—себя самихъ боимся, какъ чужихъ. Вотъ я сейчасъ иду къ ней въ садъ чуть не въ первый разъ. Всегда ночью видались, а сегодня въ корридорѣ встрѣтила меня и велѣла приходить въ садъ на берегъ. Что-то важное есть сказать...

— Ну, удивилъ! Файка? Вотъ такъ блинъ!

Наступило молчанье. Черезъ минуту Миляй поднялся.

Молодой малый вышелъ въ садъ и пошелъ мимо оконъ дома тихо, степенно, какъ-бы спокойно прогуливаясь. Искоса онъ поглядывалъ на окошки, не завидитъ-ли фигуры княгини. Если-бы она оказалась у котораго-либо изъ оконъ, то Миляй вернулся-бы и снова нѣсколько разъ прошелъ-бы подъ окнами. Но окна оказались пусты. Онъ повернулъ въ липовую аллею, пошелъ медленными шагами, покуда могъ быть виденъ изъ дома, а затѣмъ, сразу очутившись за вѣтвями деревьевъ, прыгнулъ и побѣжалъ. Черезъ нѣсколько секундъ онъ былъ уже на берегу рѣки.

Въ кустахъ на пескѣ виднѣлась сидящая женская фигура. Онъ подбѣжалъ къ ней, съ маха сѣлъ, вѣрнѣе, шлепнулся на песокъ около нея, сразу обнялъ и поцѣловалъ.

Молодая дѣвушка, именемъ Фанна, лѣтъ семнадцати, свѣтло-бѣлокурая, съ чрезвычайно красивыми синими глазами, бѣленькая и румяная, что называется по-русски кровь съ молокомъ, была одна изъ дворовыхъ дѣвушекъ дома, но жившая на особомъ положеніи. Во-первыхъ, она не была крѣпостной князя съ рожденія, какъ всѣ другія, а была лишь недавно куплена, конечно, Евсѣичемъ, и была временная или очередная „прелестница“ князя Андрея Григорьевича. Была она въ домѣ уже около полутора года, сохраняя свое званіе дольше, чѣмъ многія иныя до нея, и, конечно, благодаря тому, что была изъ ряда вонъ красива.

(Продолженіе будетъ.)

На чужбинѣ.

Я усталъ... Мнѣ наскучила жизнь городская—
Этотъ крикъ, трескотня, этотъ стонъ, этотъ споръ—
И душа запросила родимаго края,
Захотѣлось ей въ тишь, въ деревенскій просторъ.
И мнѣ грезится садъ, весь заросшій крапивой,
И привѣтливый мракъ средь высокихъ аллей,
И серебряный ключикъ въ саду говорливый,
И авроры могучій пѣвецъ-соловей.
И отъ оргій вдали я на травкѣ зеленой
Отдыхаю въ саду, въ благодатной тиши,
Этой тишью, какъ будто виномъ, опьяненный...
Ахъ!.. когда-же настанетъ покой для души?
И когда-же избавлюсь отъ жизни я бурной,
На просторъ улечу деревенскихъ полей,
И когда-жъ я увижу сводъ неба лазурный
Моей родины, милой и тихой моей?..

С. Ц—въ.

Погрѣлись.

Провинціальная картинка.

В. Д. Угличанинова.

ЗИМНЕЕ солнце только что показалось изъ-за лѣса и, бросая лучи сквозь морозную мглу, окрасило въ розовый цвѣтъ клубы дыма, валившаго изъ трубъ людской и кухни въ усадьбѣ Андрея Петровича Повалишина, когда на дворъ этой усадьбы въѣхалъ, сидя въ маленькихъ пошевняхъ, сосѣдъ Андрея Петровича, Иванъ Гавриловичъ Воркунинъ, сѣдой, плотный и жизнерадостный старикъ.

Выскочивъ изъ саней и передавъ возжи работнику Повалишина, Воркунинъ вбѣжалъ по ступенямъ «чернаго» крыльца и, быстро отворивъ дверь, вошелъ въ кухню барскаго дома.

Тамъ было тепло и пахло свѣжеиспеченнымъ хлѣбомъ. Въ плитѣ весело потрескивали дрова. На скамейкѣ, лицомъ къ дверямъ, сидѣла кухарка и усердно чистила самоваръ.

— Здравствуй, Аксиньюшка! — весело крикнулъ ей Воркунинъ, снимая шапку и стряхивая съ нея снѣжную пыль.—Холодно, милый другъ... Баринъ дома?

— Здравствуйте, Иванъ Гаврилычъ! — отвѣчала кухарка, привѣтливо улыбаясь веселому старику. — Андрей Петровичъ еще спятъ.

— Экій сусликъ!.. Ты, впрочемъ, его не буди. Я къ вамъ на минутку—только руки погрѣть.

И, какъ-бы въ подтвержденіе своихъ словъ, Воркунинъ подошелъ къ плитѣ и, вытянувъ надъ ней руки, сталъ съ видимымъ удовольствіемъ потирать ихъ.

Кухарка поднялась со скамьи, поставила на столъ самоваръ и направилась въ комнаты.

— Ты куда? — остановилъ ее Воркунинъ. — Ты, кажется, все-таки хочешь Андрея Петровича разбудить?

— Надо разбудить, Иванъ Гаврилычъ.

— Да, вѣдь, я тебѣ сказалъ, что не стоитъ, пускай спитъ.

— Нѣтъ, ужъ я разбужу, а то они сердиться будутъ.

— Ну, какъ хочешь, — согласился Иванъ Гавриловичъ, снова принимаясь за прерванное было согрѣваніе рукъ.

Черезъ нѣсколько минутъ въ кухнѣ появился въ халатѣ и туфляхъ молодой человѣкъ лѣтъ тридцати съ заспанными глазами и растрепанной шевелюрой и, подбѣжавъ къ Воркунину, протянулъ ему обѣ руки.

— Вы не можете представить себѣ, Иванъ Гаврилычъ, какъ я радъ васъ видѣть!—воскликнулъ вошедшій, и, дѣйствительно, въ голосѣ его послышались радостныя нотки. — И вдругъ Аксинья мнѣ говоритъ, что вы не велѣли было меня будить, что вы заѣхали на минутку. Это было-бы безбожно съ вашей стороны... Нѣтъ, нѣтъ! я васъ не пущу... Аксинья! самоваръ!.. Тутъ сидишь, сидишь, всякому радъ, и вдругъ...

— Покорнѣйше васъ благодарю, — перебилъ Повалишина Иванъ Гавриловичъ, отвѣшивая комическій поклонъ.

— Это за что-же?— изумился Повалишинъ.

— А за то, что ты меня отнесъ къ категоріи «всякихъ». Не ожидалъ я этого, милый другъ.

Андрей Петровичъ сконфузился.

— Ахъ, извините, пожалуйста, Иванъ Гаврилычъ! — воскликнулъ онъ, густо краснѣя.—Я вовсе не то хотѣлъ сказать. Не сердитесь, пожалуйста!

— Да я и не сержусь,—успокоилъ его Воркунинъ.—Я такъ только пошутилъ. Мало-ли что спросонья человѣкъ сболтнуть можетъ. Я всякое лыко въ строку не ставлю.

— Ну, то-то,—обрадовался Повалишинъ.—Раздѣвайтесь-ка поскорѣй. Напьемся чайку, посидимъ, поговоримъ. Мы такъ давно съ вами не видались. Теперь война... Вы, можетъ быть, что-нибудь новенькое слышали?.. Аксинья, помоги раздѣться Ивану Гаврилычу!

— Э, какія новости я могу знать! — отвѣчалъ Воркунинъ, снимая полушубокъ. — Я, милый другъ, газеты-то не чаще твоего получаю: разъ въ недѣлю, а то и рѣже.

Снявъ полушубокъ и валеныя галоши, Иванъ Гавриловичъ передалъ ихъ кухаркѣ и сказалъ:

— Ты, Аксиньюшка, положи все тутъ, не носи въ прихожую. Я только стаканчикъ чайку выпью, да и маршъ тѣмъ-же трактомъ.

— Да куда вы торопитесь?—спросилъ Повалишинъ.

— Въ кузницу, милый другъ, въ кузницу. Я велѣлъ туда работнику два плужка привезти: починить надо.

— Да зачѣмъ-же такъ рано?

— А затѣмъ, что нашего кузнеца утромъ ловить надо: послѣ обѣда онъ по большей части, какъ тебѣ извѣстно, бываетъ «подъ штофе». Это—его собственное выраженіе... Отличный кузнецъ, но ужъ и пьяница... мое почтенье!

Повалишинъ улыбнулся.

— Вы меня не поняли, Иванъ Гаврилычъ. Я хотѣлъ отъ васъ узнать, зачѣмъ вамъ въ февралѣ плужки понадобились?

— А затѣмъ, что я все въ свое время дѣлать люблю. Это вы только, молодой народъ, какъ на охоту соберетесь, такъ и собакъ кормить. Придетъ пашня, и заахаете: «ахъ, плуги не готовы! ахъ, лошадей расковать надо!..». Э-э-эхъ, вы...

Воркунинъ засмѣялся и, похлопавъ Андрея Петровича по плечу, обнялъ его за талію и направился вмѣстѣ съ нимъ къ дверямъ, ведущимъ въ комнаты.

Придя въ столовую, они усѣлись за столъ и, въ ожиданіи самовара, завели «помѣщичьи разговоры»: жаловались другъ другу на упадокъ сельскаго хозяйства, на дороговизну рабочихъ рукъ, на періодическіе неурожаи, на падежъ скота, на распущенность рабочихъ. Разговаривали они вяло, безъ всякаго оживленія. Эти жалобы, повторявшіяся при каждой встрѣчѣ, давнымъ-давно успѣли имъ надоѣсть, и разговоръ нисколько не интересовалъ ихъ. Онъ былъ не интересенъ уже по одному тому, что оба собесѣдника во всемъ соглашались другъ съ другомъ,—не было спора, всегда такъ оживляющаго бесѣду.

Пожаловавшись другъ другу на рабочихъ, гость и хозяинъ перешли на разговоръ о войнѣ, но не о русско-японской, о которой почти ничего не знали такого, что не было-бы извѣстно имъ обоимъ, а о войнѣ предсѣдателя земской управы съ исправникомъ. Стали предрѣшать, кто останется побѣдителемъ, и вдругъ заспорили. Воркунинъ пророчилъ побѣду исправнику, а Повалишинъ—предсѣдателю.

— Такъ и будетъ, — вдругъ загорячился Андрей Петровичъ,—и такъ и слѣдуетъ быть!

— Да почему-же? — не соглашался Иванъ Гавриловичъ. — Почему-же, милый другъ, если предсѣдатель кругомъ неправъ?

— А потому, что онъ — нашъ представитель, плоть отъ плоти нашей, а исправникъ — чиновникъ.

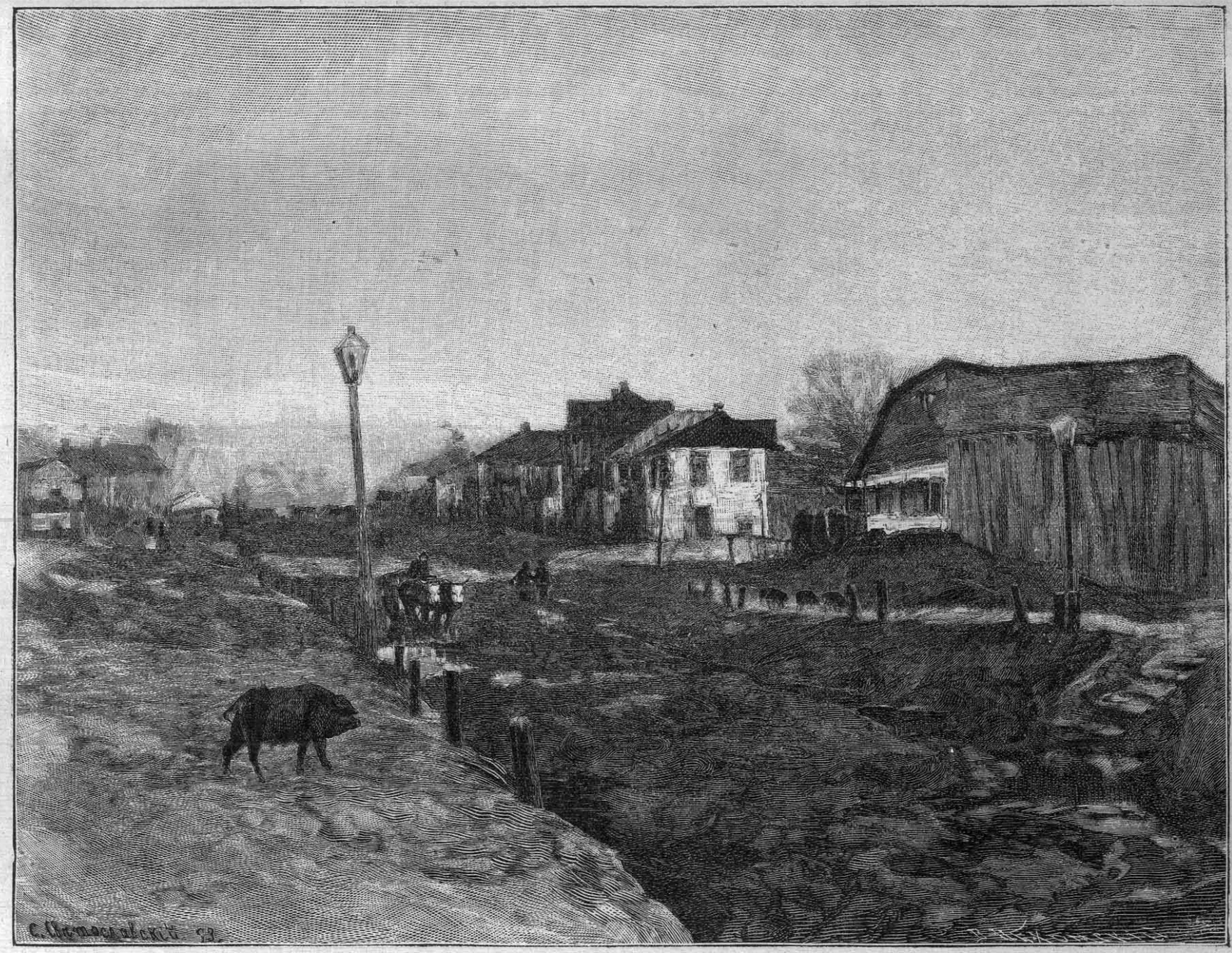
— Ну, ужъ это, милый другъ, ты ерунду понесъ. По-моему, кто правъ, тотъ и правъ, и не къ чему тутъ совсѣмъ общественное положеніе приплетать. Это ужъ ты, милый другъ, по-ребячески заговорилъ.

Споръ прервала появившаяся въ столовой Аксинья. Дробно ступая, она несла въ растопыренныхъ рукахъ фыркавшій самоваръ.

Поставивъ его на столъ, Аксинья заварила чай, такъ какъ занимала у холостого Повалишина не только должность кухарки, но и экономки.

Собесѣдники вдругъ умолкли, придвинулись поближе къ столу и принялись за чай. Хотя они и не видали другъ друга довольно долгое время, но говорить больше имъ было не о чемъ. Жалобами на рабочихъ и войной предсѣдателя управы съ исправникомъ исчерпывались всѣ темы.

Молча сидѣли они и лѣниво помѣшивали ложками въ стаканахъ. Казалось, и чай они пили отъ нечего дѣлать. Воркунинъ даже зѣвнулъ и тотчасъ-же сконфузился.



ВЪ ПРОВИНЦІИ. Съ картины **С. Свѣтославскаго** гравир. для „Родины“ **В. Цехомскій**.

Третьяковская галлерея въ Москвѣ. **НА ВЫСОТАХЪ МОНМАРТРА ПРИ ВЗЯТІИ ПАРИЖА.**
Съ картины **С. Шекуева** гравир. для „Родины“ **Б. Пуцъ.**

— Не выспался ты, милый другъ, — проговорилъ онъ, какъ-бы извиняясь.

Вдругъ Повалишинъ поднялъ голову и началъ прислушиваться.

— Ты что это услыхалъ? — заинтересовался Иванъ Гавриловичъ.

— Кто-то ѣдетъ, — отвѣчалъ оживившійся Повалишинъ. — Навѣрное, ко мнѣ... Кто-бы это могъ быть?

Воркунинъ тоже прислушался.

— Да, да, — подтвердилъ онъ, — колокольчикъ. Я тоже слышу.

Дѣйствительно, изъ-за окна ясно доносились звуки колокольчика, быстро приближавшіеся къ усадьбѣ.

Черезъ нѣсколько секундъ мимо оконъ столовой пронеслась пара гусемъ, запряженная въ рогожную кибитку, и остановилась у парадная крыльца. Аксинья пробѣжала въ прихожую. Вслѣдъ за нею тотчасъ-же направились туда и Повалишинъ съ Воркунинымъ.

Въ прихожую входилъ высокаго роста господинъ, одѣтый въ дубленый тулупъ и смушковую папаху.

Это былъ земскій врачъ Семенъ Ивановичъ Покровскій.

— А-а-а, докторъ! — радостно закричалъ Повалишинъ. — Вотъ одолжили! Откуда Богъ несетъ?

— Изъ города... Только я къ вамъ на минутку—погрѣться заѣхалъ. Попойте, пожалуйста, чайкомъ; замерзъ совершенно.

— Вы куда-же это такъ торопитесь?

— Въ «Любавино». Эпидемія тамъ... брюшной тифъ. Чуть-ли не вся деревня, говорятъ, вповалку лежитъ... А изъ «Любавина» проѣду въ «Демидовку»: тамъ тоже, говорятъ, что-то неладно. Нарочно ни свѣтъ, ни заря сегодня всталъ, чтобы въ оба мѣста попасть.

— Ну, раздѣвайтесь, голубчикъ. У меня кстати и самоваръ на столѣ.

— А, вотъ это отлично! — радостно воскликнулъ докторъ.

Онъ быстро раздѣлся и, потирая озябшія руки, направился въ столовую.

Покровскій пилъ чай съ видимымъ удовольствіемъ, торопясь и обжигаясь. Наконецъ, выпивъ три стакана, онъ отвалился на спинку стула и вынулъ изъ кармана портсигаръ.

— Ухъ!—съ наслажденіемъ вздохнулъ докторъ, закуривая папиросу. — Насилу отошелъ. Теперь хорошо, распарилъ душеньку, какъ мужики говорятъ... И морозы-же, господа, вдругъ ударили. Совсѣмъ даже и не февральскіе. Неужели-же и на театрѣ-то войны такіе-же трещатъ? Вѣдь, это—бѣда.

— А что новенькаго про войну пишутъ? — спросилъ Повалишинъ. — Вы, вѣдь, въ городѣ живете, каждый день газеты-то получаете.

Покровскій махнулъ рукой.

— Да что! Ничего... Да ничего и быть еще не можетъ: теперь зимнее затишье... Японцы, кажется, хотѣли придти, увидѣть и побѣдить, но немножко ошиблись. Думаю, что ошибутся еще и еще. Впрочемъ, это и понятно: народъ молодой, горячій, самонадѣянный, не въ мѣру захваленный и, вдобавокъ, ни съ кѣмъ еще, кромѣ китайцевъ, не дравшійся. Какъ тутъ не ошибиться? поневолѣ ошибешься.

— Позвольте-съ,—перебилъ доктора Воркунинъ,—это все ваши заключенія, а намъ хочется знать, что въ газетахъ пишутъ.

— Да я-же вамъ говорю, что почти ничего. Заграничныхъ извѣстій, правда, много, но все больше изъ «Тысячи и одной ночи». Броненосцы взлетаютъ на воздухъ, тонутъ и опять выплываютъ. Очевидно, господа корреспонденты, пользуясь отдаленностью театра войны, хотятъ сдѣлать ее такой завирательной, какой еще отъ сотворенія міра не было. Иной корреспондентъ въ одинъ день столько навретъ, что въ мирное время и въ годъ не выдумать. Просто хоть не читай, ничего понять невозможно.

— А если ничего не поймешь, то не стоитъ и голову ломать, — сказалъ Повалишинъ. — Не сыграть-ли намъ, господа, лучше въ картишки?

Докторъ и Воркунинъ съ недоумѣніемъ поглядѣли на него. Такой внезапный переходъ отъ войны къ картамъ изумилъ ихъ. Хотя они и знали о любви Андрея Петровича къ послѣднимъ, но все-таки не ожидали такого перехода.

Повалишинъ, однако, не обратилъ никакого вниманія на недоумѣніе своихъ гостей.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, господа, — преспокойно продолжалъ онъ, — не сыграть-ли намъ въ стуколочку?.. По пятіалтынничку, а? Что вы на это скажете?

Гости замахали руками.

— Нѣтъ, нѣтъ!—запротестовалъ докторъ, — мнѣ на эпидемію надо ѣхать.

— А мнѣ—въ кузницу, — присоединился къ нему Воркунинъ. — Навѣрно, мой Петруха плужки-то ужъ туда привезъ. Надо будетъ кузнецу все хорошенько объяснить.

— Э, полноте!—не унимался Андрей Петровичъ.—Дались вамъ эти плужки. Правда, они и подождать могутъ... Да и ваша эпидемія, докторъ, тоже никуда не уйдетъ... Не уйдетъ, вѣдь, а?

Онъ весело засмѣялся и дохлопалъ доктора по плечу. Тотъ тоже улыбнулся и вопросительно поглядѣлъ на Воркунина.

И Покровскій, и Воркунинъ любили карты не менѣе Повалишина и съ удовольствіемъ сыграли-бы въ стуколку. Кромѣ того, доктору, согрѣвшемуся въ теплой комнатѣ, вовсе не хотѣлось снова садиться въ рогожную кибитку и снова ѣхать много верстъ по морозу. Замѣтно было, что онъ склонялся на предложеніе Андрея Петровича. Но, чтобъ оправдать себя въ собственныхъ глазахъ, докторъ вынулъ изъ кармана часы и, взглянувъ на нихъ, нерѣшительно произнесъ:

— Часика два поиграть, пожалуй, можно-бы.

— Часика два и я могу удѣлить, — согласился Воркунинъ.

— А-а-а! Ну, вотъ и прекрасно! — радостно воскликнулъ Повалишинъ. — Сейчасъ я велю сюда и ломберный столъ, и карты подать. Здѣсь намъ играть будетъ удобнѣй.

Андрей Петровичъ вышелъ въ корридоръ, отворилъ дверь въ кухню и громко распорядился:

— Аксинья! принеси-ка намъ въ столовую карточный столикъ и карты.

Когда-же кухарка исполнила его приказаніе, Повалишинъ добавилъ:

— А теперь приготовь-ка намъ что-нибудь закусить.

Когда Аксинья на другой день утромъ заглянула въ столовую, она увидѣла тамъ и своего хозяина, и его гостей за тѣмъ самымъ ломбернымъ столомъ, который раскрыла для нихъ наканунѣ. Возлѣ него, на обѣденномъ столѣ, красовался пустой графинъ изъ-подъ водки и стояли тарелки съ остатками селедки и маринованныхъ грибовъ. Игроки сидѣли съ блѣдными лицами и воспаленными глазами и, выбрасывая карты на столъ, изо всей силы стучали по немъ руками.

— Вотъ мы такимъ манеромъ начнемъ,—говорилъ Повалишинъ, кладя на столъ козырную даму.

— А-а-а! Въ съ канонерки начинаете?—кричалъ Воркунинъ, накрывая ее тузомъ. — Изъ онаго слѣдуетъ, что и самъ крейсеръ, король, у васъ на рукахъ... А вотъ мы сейчасъ миноноску вышлемъ и его изъ порта выманимъ, — добавилъ онъ, бросая на столъ козырную шестерку.

— Это чертъ знаетъ что такое! — ворчалъ проигравшійся докторъ, со злостью выкидывая послѣдняго козыря.—Вы, Иванъ Гавриловичъ, острите, какъ гостинодворскій приказчикъ. Это вовсе не умно. Перестаньте, пожалуйста.

Но Воркунинъ не унимался.

— Не умно, да здорово! — продолжалъ онъ кричать, ходя съ козырнаго валета. — А ты, докторъ, не сердись. Что-жъ дѣлать? Получилъ пробоину, и молчи, милый другъ, покоряйся своей участи!

КОНЕЦЪ.

Въ тоскѣ.

Умчалися юности чистыя грезы,
Надежды разсыпались прахомъ земли,
Отчаянье, муки, сомнѣнья и слезы
Мнѣ на душу камнемъ тяжелымъ легли.
Веселые дни омрачило ненастье,
Остыла съ годами кипучая кровь...
Не вѣрю въ земное я прочное счастье,
Зову я обманомъ людскую любовь!
И кажется міръ мнѣ огромной пустыней...
День кажется годомъ — конца ему нѣтъ...
Умъ праздный тупѣетъ въ тоскѣ и кручинѣ
И блекнутъ мечты, словно осенью цвѣтъ!..

Вадимъ Баяновъ.

Къ одной цѣли.

Повѣсть Т. Н. Власовой.

(Продолженіе.)

ОНИ стали прощаться.

— Вы заѣзжайте, Николай Петровичъ,—просила Лиза.—Я страшно боюсь за дѣтей.

— Я заѣду. Только, вѣдь, я ровно ничего не приписалъ и не далъ... Я могъ только... одобрить вашу систему леченія, — засмѣялся онъ. — Позвольте мнѣ лучше заѣхать, какъ знакомому...

— Буду очень рада, — сдержанно сказала Лиза.

Рудневъ терпѣливо ждалъ доктора въ передней, не то улыбаясь, не то хмурясь отъ одной пришедшей ему мысли.

Къ вечеру стало теплѣе. Бричка стучала по дорогѣ, разбрасывая брызги изъ-подъ колесъ. Тянуло юго-восточнымъ вѣткомъ. Луна изрѣдка закрывалась набѣгавшими легкими облачками.

— Кажется, хорошая погода будетъ, — сказалъ Рудневъ, движеніемъ вожжей подбадривая лошадь. — Что-же вы молчите? — спросилъ онъ черезъ нѣсколько минутъ, не получая отвѣта на свое замѣчаніе. — Или мечтаете?

Иволгинъ слегка закашлялся и, спустя немного, какъ-бы нехотя, промолвилъ:

— Вы давно знаете Доринныхъ?

Рудневъ отвѣтилъ и они уже молчали до самаго дома, думая каждый о своемъ.

V.

Вѣра Антоновна заждалась ихъ съ чаемъ. Самоваръ уже нѣсколько разъ погасалъ и вновь подогрѣвался. У Вѣры болѣла голова и она, завернувшись въ платокъ, прикурнула въ углу дивана, прислушиваясь къ голосамъ брата и гостя, раздававшимся изъ сосѣдней комнаты — кабинета Руднева, куда пріятели прошли, поздоровавшись съ хозяйкой.

Дѣвушка внесла кипящій самоваръ и позвала ихъ пить чай.

— Нѣтъ! почему-же вы насмѣшливо относитесь къ моей дѣятельности?—продолжалъ разговоръ Рудневъ, наливая себѣ и гостю какой-то зеленоватой водки. — Сиди, Вѣра, не безпокойся, я всѣмъ распоряжусь...

— Насмѣшливо? Боже сохрани!.. За ваше здоровье, Вѣра Антоновна!.. Я васъ глубоко уважаю уже за то, что вы пережили огромный душевный процессъ; измѣнить жизнь такъ, какъ вы, не шутка, не пустякъ! Я говорю только, что цѣль не оправдываетъ вашихъ усилій и труда... Сколько есть благодарныхъ вещей, куда-бы вы могли направить вашу энергію и умъ...

— Напримѣръ... какъ вы? — безъ всякой ироніи спросилъ Рудневъ.

— Ну, хотя... какъ я. Развѣ это не интересно? Да мало-ли что? Можно работать въ области науки, искусства... А открытія?! Возьмите Кюри... вѣдь, это—цѣлая эпоха съ этимъ радіемъ! А физіологъ Коссель?.. Отдавать свой трудъ на пользу человѣчеству или...

— Я ловлю васъ на словѣ. — перебила Вѣра, переходя уже къ столу, причемъ ея прекрасные большіе глаза глядѣли прямо въ лицо Иволгину. — На пользу человѣчеству, говорите вы? Да, вѣдь, большая-то часть человѣчества не только объ этихъ открытіяхъ, о самыхъ простыхъ вещахъ понятія не имѣетъ!..

— На это нельзя обращать вниманіе!—сказалъ Иволгинъ, чувствуя какую-то неловкость подъ взглядомъ Вѣры.

— Ну, вы и не обращайте! — спокойно сказалъ Рудневъ. Онъ медленно ходилъ по комнатѣ, поглаживая бороду. — Дѣлайте свое дѣло, а я свое. По-моему, сначала надо научить людей... нѣтъ, даже не людей вообще... къ вашему ужасу, скажу еще уже: свой народъ—лучше ѣсть и лучше жить. Надо поднять его нравственный и умственный уровень...

— Значитъ, вы хотите, чтобы всѣ побросали свои дѣла и шли въ деревню учить народъ?—насмѣшливо-сердито сказалъ Иволгинъ.

— Боже сохрани! Важно призваніе, это — рычагъ каждаго дѣла. Бѣда, какъ пироги начнетъ печи сапожникъ... «Могій вмѣстити да вмѣститъ».

— И вы думаете, что этимъ разрѣшаете весь вопросъ?!

— Не весь, а его первую часть, по крайней мѣрѣ! — спокойно отвѣтилъ Рудневъ. — Вѣрочка, позволь открыть окно... ужасно жарко! отъ самовара, что-ли?

Рудневъ подошелъ и распахнулъ окно, и въ него сейчасъ-же потянуло влажнымъ весеннимъ холодкомъ.

— Еще я вамъ скажу, господа, —продолжалъ Иволгинъ,— что мужики терпѣть не могутъ этихъ вашихъ «интеллигентовъ». Помните, я разсказывалъ, что меня и товарища чуть не убили во время тифозной эпидеміи... Ихъ, дураковъ, лечили, а они выдумали, что мы живыхъ въ землю зарываемъ и колодцы отравляемъ. Съ тѣхъ поръ терпѣть не могу вашихъ мужиковъ... Грубость, грязь, пьянство... тьфу!..

Онъ энергично всталъ и подошелъ къ окну.

— Но зато тамъ есть такія золотыя сердца, что намъ съ вами до нихъ далеко, — замѣтила Вѣра. — Настоящая война показала...

— Простите!—нервно перебилъ онъ,—но я еще, вѣрно, не доросъ до пониманія этихъ скрытыхъ добродѣтелей...

Иволгинъ любилъ и умѣлъ спорить. Начиналъ онъ всегда нехотя, но потомъ слова плавно, какъ волна, лились изъ его устъ. Сегодня ему не хотѣлось говорить.

— Прекрасно понимаете, — не унималась Вѣра,—тому-же народу служите?

— Совсѣмъ не то! Это—станція... Быть врачемъ-практикантомъ? ни за что! Напишу диссертацію, а тамъ за границу, а тамъ каѳедра... Вотъ это стоитъ!

— Давай вамъ Богъ!—сказалъ Рудневъ. — Хорошее дѣло. А теперь, Николай Петровичъ, побалуйте-ка насъ... Спойте что-нибудь. Да, знаете, такое, чтобы за душу хватало!

Иволгинъ подошелъ къ піанино, которое стояло въ столовой-же, и сталъ выбирать ноты.

— Хотите дуэтъ, Вѣра Антоновна?

— Нѣтъ, вы одинъ. А я еще не спросила васъ, какъ вамъ понравилась Лиза?—говорила Вѣра, убирая въ буфетъ чашки.

— Лиза?—протянулъ Иволгинъ.—Она очень симпатична...

Онъ оставилъ ноты, взялъ нѣсколько аккордовъ.

«Сладко пѣлъ душа соловушко
Въ зеленомъ моемъ саду»... —

полились звуки до муки тоскливой, страстной, настоящей русской пѣсни. Красивый баритонъ уходилъ далеко въ тишину ночи.

Рудневъ повернулся къ окну и взволнованно всматривался въ даль.

«Развѣ такъ можетъ пѣть человѣкъ, не понимающій своего русскаго народа и чуждый его горю и радостямъ?»—думалъ онъ, поддаваясь очарованію пѣсни.

Вѣра Антоновна вышла въ сосѣднюю комнату и, припавъ къ столу, старалась удержать непослушныя слезы...

«Вдругъ подуло съ полуночи,
Будто на сердце легла
Снѣговая непогодушка
И садокъ мой занесла!»...

А великолѣпная луна лила на землю свой серебристо-зеленоватый свѣтъ, одинаково холодная и равнодушная и къ людскому горю, и къ людской радости.

Рудневъ долго не могъ заснуть въ ту ночь. Разговоръ съ Иволгинымъ волновалъ его. На него нашла минута, когда онъ не вѣрилъ своимъ силамъ, своему труду,—минута, всегда особою страшною болью звучавшая въ его сердцѣ. Не правъ-ли Иволгинъ, говоря, что мужикъ терпѣть не можетъ интеллигентовъ? А «опроститься», превратиться въ мужика, онъ не можетъ; у него есть извѣстныя привычки, умственные запросы, высшіе интересы... Онъ отыскивалъ въ своей дѣятельности стороны, въ которыхъ могъ-бы упрекать себя, и теперь, въ эту тяжелую минуту, находилъ ихъ цѣлыя тысячи...

Рудневъ ворочался съ боку на бокъ, пилъ воду, закрывалъ шею, но сонъ не приходилъ.

Вотъ Вѣра, та всей душой отдалась своему дѣлу, ведетъ свою часть хозяйства, обмываетъ ребятъ, лечитъ бабъ, чутьли не судитъ ихъ... Она такъ-же просто относится къ самымъ отвлеченнымъ вещамъ, ничего общаго съ ихъ трудомъ не имѣющимъ... У нея ясные взгляды, опредѣленныя убѣжденія...

А, можетъ быть, и ей бываетъ такъ-же жутко, только она не говоритъ, боясь растревожить его?! Онъ уже сомнѣвался во всемъ... Неужели у него нѣтъ настоящихъ убѣжденій? Неужели всю жизнь блуждать во тьмѣ?..

Ставни раскрылись.

— Петръ Антоновичъ, — постучалъ работникъ, — вставать пора.

Первые солнечные лучи потоками ворвались въ комнату и вмѣстѣ съ ними бодрость хлынула въ душу Руднева. Онъ всталъ, подошелъ къ окну и распахнулъ его. На дворѣ работники приготовляли плуги, поили лошадей. Кричали пѣтухи и цесарки. Рябой конюхъ Василій, широко оскаливъ зубы, шутилъ съ работницей, несшей сзади Вѣры Антоновны два полные подойника.

Нѣтъ, онъ здѣсь не лишній. Часть и его труда пойдетъ на пользу родинѣ... Чему-либо сумѣетъ и онъ научить мужика. Съ растроганнымъ сердцемъ глядѣлъ онъ предъ собою, гдѣ все было знакомо ему до мельчайшихъ подробностей и было почти созданіемъ его рукъ, и чувствовалъ крѣпкую связь между собою и этой природой и этимъ народомъ.

VI.

Въ концѣ мая Доринъ, въ сопровожденіи Анны Николаевны, пріѣхалъ на нѣсколько дней въ «Сосновку». По письмамъ, Лиза давно уже ожидала его. Ей надо было переговорить съ нимъ о разныхъ хозяйственныхъ дѣлахъ. Причину его задержки въ Петербургѣ она полагала въ усиленныхъ занятіяхъ по случаю войны; другое предположеніе, иногда при-

ходившее ей въ голову, казалось слишкомъ невѣроятнымъ; она знала, что Доринъ и раньше рѣдко участвовалъ въ кутежахъ товарищей.

Доринъ былъ радъ очутиться среди семьи въ привычной обстановкѣ и отдохнуть отъ петербургскаго угара. Кити была очаровательна, но утомляла его своею ревностью и любовью. Она твердо рѣшила не выпускать его изъ своихъ хорошенькихъ лапокъ и всякій разговоръ объ его переводѣ въ дѣйствующую армію встрѣчала такимъ отчаяннымъ потокомъ упрековъ и слезъ, что Дорину дѣлалось жутко. Это мучило его, потому что вопросъ о переводѣ былъ имъ рѣшенъ безповоротно.

Анна восторгалась всей чисто-деревенской обстановкой. Заграничные курорты и фешенебельныя дачи надоѣли ей до полусмерти. И погода къ ея пріѣзду установилась. Прелестныя бѣлыя ночи, ароматъ цвѣтущей сирени, милое общество образованныхъ людей, какое Анна и не ожидала встрѣтить въ деревнѣ—было нѣсколько праздниковъ: Троица, Духовъ день, и Рудневы тоже пріѣзжали въ «Сосновку»—все это очаровало ее. И въ Лизѣ она находила все новыя и новыя прелести.

Наканунѣ отъѣзда Анны уже поздно вечеромъ дѣвушки медленно ходили по саду. Доринъ ушелъ къ Рудневымъ.

Онѣ говорили о Петербургѣ, о знакомыхъ, о Рудневыхъ и ихъ отношеніи къ крестьянамъ. О Кротковѣ Лиза избѣгала говорить съ Анной. Какъ-то читая при ней газету, она упомянула о немъ и, поднявъ голову, встрѣтила въ глазахъ Анны такое недоброе выраженіе, что сейчасъ-же замолчала, недоумѣвая.

— Вы, Анна, вчера сказали Николаю Петровичу, что дѣлаете добро только изъ эгоизма,—вдругъ вспомнила Лиза.—Это не можетъ быть!

— Почему не можетъ быть?—удивленно спросила Анна.—Я помогаю, когда мнѣ противно видѣть бѣдность... тѣмъ болѣе, что мнѣ это ровно ничего не стоитъ... Знаете, Лиза, мнѣ иногда приходитъ желаніе стать на нѣсколько дней бѣдной...

Она сорвала вѣтку сирени и уткнула въ нее свое личико.

— Какъ я,—подсказала Лиза.

— Почему, какъ вы?—сразу не поняла Анна, поворачиваясь къ ней съ недоумѣніемъ.

— У меня, вѣдь, своего ничего нѣтъ. Все это,—Лиза провела рукою по своему платью,—не мое, а Алексѣя Николаевича...

— Да? — заинтересовалась Анна. — А вы какъ къ этому относитесь: вамъ это непріятно?

— Нѣтъ. Я это беру такъ-же просто, какъ просто отдаю его дѣтямъ свою жизнь,—серьезно, почти сурово сказала Лиза.

— Въ такомъ случаѣ, я желала-бы быть гораздо бѣднѣе...

— Чтобы испытать чувства бѣдняка, которому богачи помогаютъ, когда имъ «противно» видѣть его бѣдность?—съ упрекомъ сказала Лиза, дѣлая удареніе на словѣ «противно».

— Не угадали!—засмѣялась Анна, и въ этомъ смѣхѣ слышалась злость:—эти чувства я и знать не желаю... Какое мнѣ до нихъ дѣло?—Она швырнула вѣтку сирени далеко въ кусты.—Я хочу только посмотрѣть, какъ станутъ относиться ко мнѣ люди... Я, вѣдь, никому не вѣрю... Мнѣ кажется, что всѣ видятъ во мнѣ не Анну Грей, а милліонъ...

Лиза остановилась и заглянула близко въ глаза Аннѣ,—ихъ выраженіе испугало ее.

— Вы не шутите?! Но, вѣдь, отъ такихъ мыслей можно сойти съума... Это мучительно! Въ такомъ случаѣ, богатство—огромное несчастье! Забудьте вы о немъ. Вы все привыкли цѣнить на деньги; вы привыкли, что вамъ съ дѣтства всѣ твердятъ о деньгахъ... Неужели въ вашемъ домѣ имъ придаютъ такое значеніе?—Лиза все больше и больше волновалась, и лицо Анны принимало смущенное выраженіе.—Для многихъ даже бѣдныхъ людей ваши деньги ровно ничего не значатъ... Ваши слова оскорбительны и для меня, и здѣсь для всѣхъ...

— Лиза! Ради Бога! Милая, я совсѣмъ и не...

— Постойте... еще два слова, а то... мое краснорѣчіе изсякнетъ,—пошутила Лиза съ милой улыбкой.—Мнѣ васъ жаль, Анна!.. Если вы хотите сдѣлать кому-либо добро, забудьте вы о вашемъ проклятомъ золотѣ и думайте, что у того человѣка такая-же душа, какъ и у васъ...

— Все, что вы сказали, Лиза,—вы ужасно хорошо сказали и вещи все это чудесныя, но все это я слышала, читала и передумала. Въ теоріи это такъ... Но себя я не могу передѣлать... и даже не хочу!—уже капризно сказала она.—Я—эгоистка, злая, капризная... Я и тѣхъ, кого люблю, всегда мучаю... Знаете, Лиза,—съ какимъ-то порывомъ, вся похолодѣвъ отъ своей откровенности и не понимая, какъ рѣшилась она на нее, выговорила Анна:—я, вѣдь, страстно люблю Владиміра Алексѣевича, а между тѣмъ...

— Вы его... любите?..

— Да... да, люблю! Когда онъ уѣзжалъ на войну, я съума сходила... Но объ этомъ никто не знаетъ... вы первая... И если его убьютъ,—почти сурово докончила она,—я не переживу этого...

— Зачѣмъ-же вы ему отказали?

Лиза все еще не могла придти въ себя. Ей казалось, что это—одна изъ мгновенныхъ фантазій Анны.

— А потому что у него много долговъ!.. Нѣтъ, дорогая, не думайте, что мнѣ жаль денегъ заплатить его долги,—вставила Анна, по возмущенному лицу Лизы угадавшая ея мысль,—не то... Но всякій разъ, какъ онъ дѣлалъ мнѣ предложеніе—онъ его повторялъ два раза—мнѣ точно демонъ шепталъ, что ему надо платить по векселямъ и онъ женится не на мнѣ, а на моемъ милліонѣ!..

— Но это—неправда! я его знаю. У него масса долговъ, и вамъ, конечно, пришлось-бы заплатить ихъ, но я слышала и отъ него, и отъ Алексѣя Николаевича, что вы нравитесь ему сами по себѣ.

— Лиза! дорогая!.. неужели?.. Боже, какъ я счастлива и какъ несчастна!

Анна обнимала Лизу, смѣялась, плакала...

— А помните у васъ, Лиза? Мнѣ тогда показалось, что онъ любилъ васъ и что васъ страшно огорчаетъ разлука... Тогда я сказала...

— Я помню... Это было жестоко съ вашей стороны..

— Я нарочно сказала... А, можетъ быть, онъ любитъ васъ, Лиза, только у васъ... средствъ нѣтъ?—вдругъ подозрительно спросила Анна и точно туча закрыла милое выраженіе ея лица.

— Стыдитесь, Анна...

— Ну, не буду, не буду... И вамъ, вѣдь, Володя не нравится?..

— Нѣтъ, онъ очень нравится мнѣ, только...

— Только вы не влюблены въ него? Я знаю вашу тайну!—улыбнулась Анна:—вамъ нравится Иволгинъ?.. Я вижу... Но вы, Лиза, ужасно хорошенькая!—Она подняла къ себѣ личико Лизы.—У васъ все прелестно: и глаза, и ротъ, и все лицо... Мужчины—ужасные глупцы!—сказала Анна, съ такимъ рѣшительнымъ видомъ, какъ-будто имѣла случай убѣдиться въ этомъ ихъ качествѣ:—я влюбилась-бы только въ васъ!.. Развѣ васъ, напримѣръ, можно сравнить съ Зарѣцкой?..

«Почему съ Зарѣцкой?»—хотѣла спросить Лиза, но вдругъ все положеніе дѣлъ ясно представилось ей и она поняла многое, что ей казалось страннымъ въ Доринѣ.

Вся кровь прихлынула къ лицу.

— Пойдемъ домой!.. Сыро,—будто небрежно выговорила Лиза... Никогда не покажетъ она Аннѣ, что поняла ея намекъ.—Ну-ка, взапуски!—прибавила она,—ловите!

И было видно только, какъ между кустами сирени замелькало платье Лизы, словно она убѣгала отъ тяжелаго призрака...

VII.

У Рудневыхъ собралось маленькое общество—почти все сосѣди. Кромѣ Алексѣя Николаевича и Иволгина, завернулъ «на огонекъ» и Старовъ, бывшій лихой гусаръ, мастеръ на разныя продѣлки, теперь доживавшій съ грѣхомъ пополамъ въ своемъ хуторѣ съ опустившейся и ко всему безразличной женою; въ этомъ хуторѣ было продано все, что можно было продать, и самъ онъ былъ заложенъ; не разъ Рудневъ «въ счетъ будущаго», какъ просилъ Старовъ, вносилъ за него проценты и тѣмъ избавлялъ его отъ окончательной нищеты.

Сидѣли въ саду. Велись жаркіе разговоры о войнѣ. «Тюренченъ... Цзиньчжоу... Портъ-Артуръ»... доносилось до слуха Вѣры Антоновны, занятой въ столовой хозяйственными хлопотами. Ей очень хотѣлось пойти въ садъ и послушать, какъ Доринъ объясняетъ военныя событія съ точки зрѣнія современной военной науки. Остальные всѣ были профаны, хотя Старовъ горячился и все что-то хотѣлъ доказать Дорину, опираясь на эпизоды прошлыхъ войнъ.

— Идите ужинать!—кликнула въ окно Вѣра.

Старовъ сразу просіялъ и забылъ о войнѣ.

— Идемъ, идемъ... Это хорошо—червячка заморить...

Окна въ столовой были открыты настежь. Блѣдная ночь заглядывала въ комнату и свѣтъ лампы казался грязно-желтымъ. Доринъ вошелъ послѣднимъ.

— Какая чудная ночь! И уходить не хочется.

— Зато здѣсь селедочка такая, что пальчики оближешь! Что вашъ хваленый Кюба! Вотъ ему-бы у Вѣры Антоновны поучиться!..

И Старовъ, не ожидая, пока компанія разсядется, отвалилъ себѣ на тарелку половину всей селедки.

— Вотъ вы все бранитесь, Петръ Антоновичъ, что я дома не сижу,—говорилъ онъ-же, наливая водку и разсматривая на свѣтъ рюмку.—Да если-бы моя Паша такое-эдакое сготовить умѣла, ей-Богу, дома сидѣлъ-бы! Одно только въ жизни и осталось, что хорошо поѣсть... Да вы не качайте головой, докторъ. Молодо-зелено... поживите-ка съ мое, другое запоете!

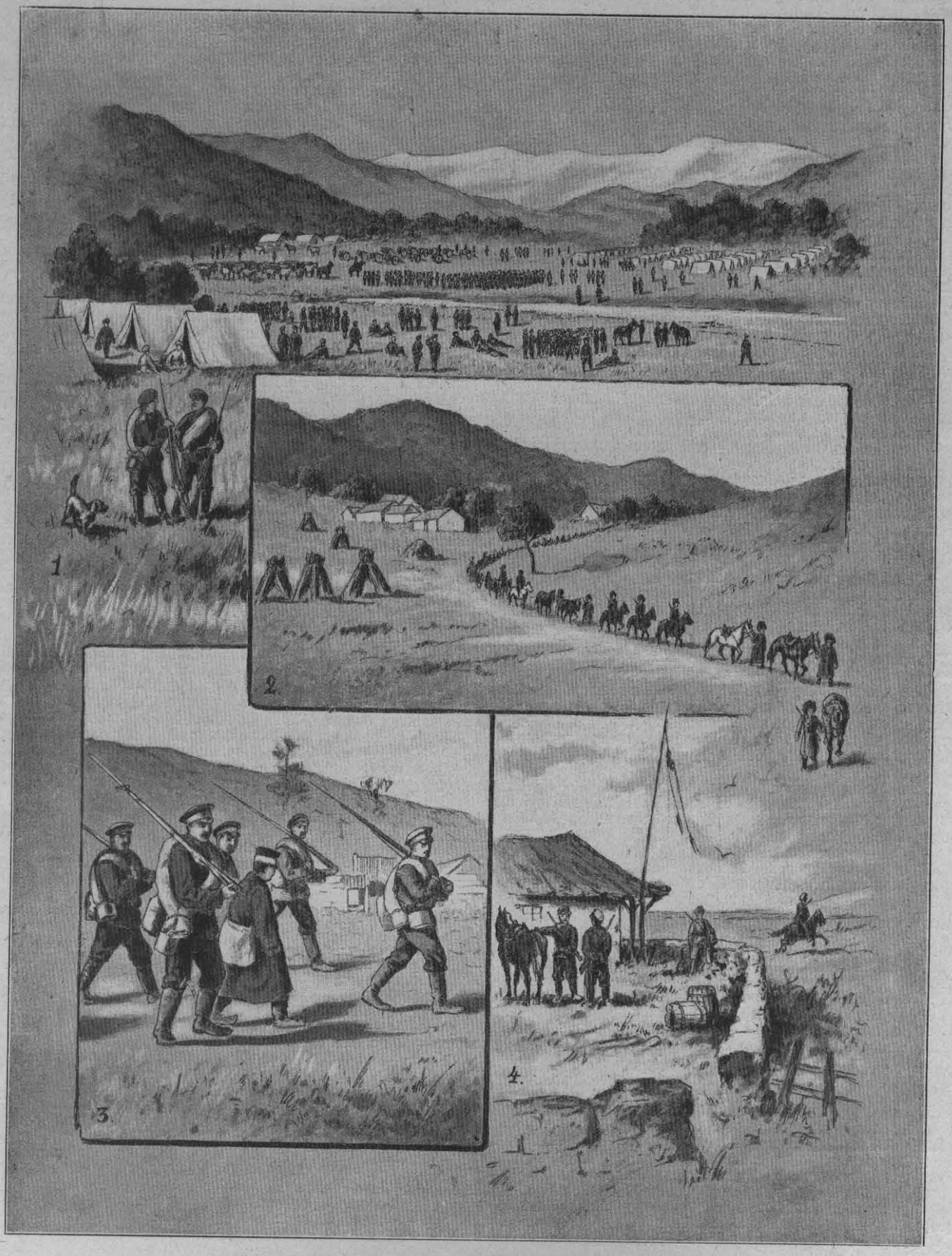
— Если пожить т къ, какъ вы, то пожалуй... Но я надѣюсь прожить иначе,—серьезно отвѣтилъ Иволгинъ,—котораго страшно возмущали чревоугодіе и ничегонедѣланіе Старова.

— А почему это-съ?..

Старый гусаръ-дуэлистъ уже искалъ предлога для ссоры.

— Не сумѣешь!—вмѣшался Руднъ.

Онъ зналъ, что послѣ первой рюмки Старовъ дѣлался заносчивъ и дерзокъ, и хотѣлъ избѣжать исторіи.



НА ТЕАТРѢ ВОЙНЫ НА ДАЛЬНЕМЪ ВОСТОКѢ.

1. Бивакъ 3-го сибирскаго армейскаго корпуса. 2. Спускъ съ перевала. 3. Плѣнный японецъ. 4. Стоянка казаковъ. По фотогр. рисов. для «Родины» **М. Андреевъ.**

— То-то!—успокоился Старовъ, выпилъ еще рюмку и потянулъ къ себѣ блюдо съ поросенкомъ.

— Вотъ, Алексѣй Николаевичъ, купите-ка мое имѣнье, — предложилъ онъ—ни съ того, ни съ сего—Доринну, съ наслажденіемъ смакуя свое любимое блюдо.

— Имѣнье? Да на что оно мнѣ?

— Да такъ. У васъ деньги есть, а имѣнье не пропадетъ...

— Да я и со своимъ-то не знаю, что дѣлать. Кабы не Петръ Антоновичъ, и мое было-бы не лучше вашего, — засмѣялся Доринъ.

— Ага! — торжествующе сказалъ Старовъ, обводя всѣхъ пьяными слезящимися глазами, — я всегда говорю, что намъ, военнымъ, не стоитъ быть помѣщиками. Такъ, вѣдь, Доринъ?

Не желая вступать въ препирательство съ пьянымъ, Алексѣй Николаевичъ обратился къ Иволгину съ какимъ-то вопросомъ. Мало-по-малу разговоръ сдѣлался общимъ и интереснымъ. Подъ его гулъ Старовъ наполнялъ свой желудокъ, отвѣдывая всѣ вина и блюда.

— Завидую я вамъ, Доринъ! — Старовъ обратился къ нему, улыбаясь и еле подпирая руками отяжелѣвшую голову:—богаты вы, молоды... красивы! Эхъ! вспомнишь старину... Были дѣла!.. Только вотъ при Вѣрѣ Антоновнѣ..

— Я могу уйти!

Вѣра знала его привычку послѣ выпивки приниматься за неприличные анекдоты.

— Нѣтъ, ужъ вы лучше приберегите свои анекдоты для другихъ! — вмѣшался со злостью Иволгинъ. — Вѣра Антоновна...

— Не... не желаете? Воля дамъ... за... законъ... молчу... А только и покутили мы съ... За... Зарѣцкимъ. Я — ротмистръ, онъ—поручикъ... Славно!..

— Съ какимъ Зарѣцкимъ? — совершенно противъ воли вырвалось у Дорина.

Онъ готовъ былъ побить себя за этотъ вопросъ.

— Да вотъ... имѣнье недалеко! Лихой былъ... паревь! А... женился — аминь! Прощай, Ко...Костя.. Жену обожалъ... а она то...того...

Старовъ пьяными глазами глупо и гадко подмигнулъ мужчинамъ.

— Можно встать, Вѣра?—сказалъ Рудневъ, бросивъ на поблѣднѣвшаго Дорина безпокойный взглядъ.

Послышался шумъ отодвигаемыхъ стульевъ. Старовъ еле добрелъ до кресла у окна и грузно шлепнулся въ него.

— Пьяная скотина!—выбранился Иволгинъ, спѣша выдти изъ столовой. — Пойдете въ садъ?

— Нѣтъ, домой пора, — сказалъ Доринъ.

«Что хотѣлъ сказать Старовъ? — волновался онъ, быстро шагая по межѣ. — Были-ли то лишь пьяныя фантазіи? Хотя, собственно, тотъ не сказалъ ни слова, но его подмигиванье, а главное, да главное безпокойный взглядъ Руднева, вотъ что наводитъ на мысль, что тотъ и другой знаютъ что-либо дурное о Кити»...

Если-бы онъ спросилъ Руднева, тотъ все-бы ему разсказалъ, но выдавать свою связь, говорить даже съ другомъ о прошломъ любимой женщины Доринъ считалъ позоромъ для честнаго человѣка.

— И что можетъ знать про нее этотъ старый пьяница? — громко и сердито проговорилъ онъ. — Такъ нельзя! Надо или вѣрить, или разстаться!.. А я ее люблю... да, люблю!..

Ему было противно больше всего то, что молва объ его романѣ проникла и въ эту глушь. Вѣрно, знаетъ и Лиза. Послѣднее было ему тяжелѣе всего: она еще такъ молода, она не пойметъ, что въ жизни мужчины бываютъ всякія безумныя увлеченія. Ея отношенія къ нему должны непремѣнно измѣниться...

И снова его мысли перебрасывались къ Кити, прелестной, влюбленной, страстной... До самаго утра пробродилъ Доринъ по своимъ полямъ и лѣсамъ и, не ложась спать, но свѣжій и изящный, какъ всегда, вмѣстѣ съ Анной Николаевной утромъ выѣхалъ изъ «Сосновки».

VIII.

Лиза любила деревенскій просторъ, поля, лѣса, грозы, пѣсни птицъ, но совсѣмъ не знала деревни. Собственно, въ деревнѣ ей и бывать-то приходилось рѣдко; по воскресеньямъ она съ дѣтьми, няней и подняней Машей, взятой изъ «Рудневки», ходила съ утра на цѣлый день къ Рудневымъ. Иногда они проходили черезъ лѣсъ, иногда, по просьбѣ Маши, прямо черезъ деревню. Маша съ завистью называла Лизѣ дѣвушекъ, которыя шли изъ церкви въ зеленыхъ, розовыхъ и красныхъ платьяхъ, безобразно сшитыхъ на городской ладъ — близость города давала себя знать. Лиза вглядывалась въ ихъ веселыя лица и думала, что слова Руднева о непосильномъ трудѣ преувеличены. Вечеромъ Рудневъ отвозилъ ихъ домой, въ большой старомодной, «допотопной» коляскѣ; Машу, сидѣвшую на козлахъ, спускали къ гулявшимъ дѣвушкамъ, и та, не оглядываясь, бѣжала пѣть пѣсни съ подругами. Пьяные мужики шатались взадъ и впередъ по грязной дорогѣ, переругиваясь между собою. Лиза боялась пьяныхъ и съ отвращеніемъ думала о нихъ. Эти противныя картины она видѣла и раньше и опять казалось ей, что и война не повліяла на крестьянскую жизнь, какъ увѣрялъ Рудневъ. И Лиза невольно становилась на сторону Иволгина, который смотрѣлъ на народъ, какъ ей думалось, вполнѣ трезвыми глазами.

Вечеромъ прибѣжала Маша, веселая, съ разсказами о деревенскихъ происшествіяхъ; въ пьянствѣ и легкихъ дракахъ Маша не находила ровно ничего постыднаго, наоборотъ, это казалось ей необходимою праздничною принадлежностью.

Какъ-то днемъ Лиза сидѣла съ дѣтьми въ столовой и вырѣзывала имъ картинки. Было очень жарко, и дѣти капризничали въ саду. Няня съ Павликомъ играла на балконѣ и разговаривала съ Лизой черезъ открытую дверь.

— Барышня! ой, страсти какія! — кричала Маша, влетая, какъ ураганъ, въ столовую. — Якова чугунка раздавила... На подводѣ домой привезли... Дохтура ищутъ... къ намъ прибѣгали...

Яковъ былъ многосемейный мужикъ, работавшій у Дорина; его два женатые брата были запасные и взяты на войну.

Первымъ порывомъ Лизы было бѣжать туда. Зачѣмъ? — она не знала; помочь, все равно, она не умѣла-бы; но ее неудержимо влекло—и не праздное любопытство. Когда она была уже у садовой калитки, ей пришло въ голову, что надо захватить денегъ, единственно, что она могла предложить тамъ. Она вернулась и, отвѣтивъ на разспросы няни однимъ словомъ «потомъ», понеслась въ «Рудневку» по только что скошенному полю.

Избу, гдѣ жилъ Яковъ, она узнала сейчасъ-же по входящему и выходящему народу. Вышелъ и деревенскій священникъ съ дарами и, подобравъ рясу, зашагалъ быстро къ дому, поднимая облака пыли. Лиза, смущаясь, вошла въ избу; ей было стыдно, что она какъ-будто изъ любопытства пришла смотрѣть на людское несчастье; но ея приходъ никому не показался страннымъ и никто даже не обратилъ на нее вниманія, кромѣ бѣлоголовой дѣвочки въ закоруэлой рубашкѣ, возившейся у печки съ котенкомъ. Лиза испугалась той духоты, тѣсноты и грязи, которую увидѣла здѣсь. Мухи міріадами бились въ окнахъ и облѣпляли почти сплошь печку и стѣны. На шесткѣ предъ печкой висѣли грязныя тряпки. Въ люлькѣ слабо пищалъ ребенокъ, взвизгивая повременамъ.

Яковъ лежалъ на лавкѣ; онъ былъ прикрытъ чистымъ холстомъ, на которомъ мѣстами просачивалась кровь, и тяжело стоналъ и хрипѣлъ. Его всегда доброе, красивое лицо было все покрыто кровью и грязью и казалось оттого донельзя страшнымъ. До пріѣзда доктора его боялись трогать. Народъ, больше бабы, входилъ, дѣлалъ громко свои замѣчанія и, охая, выходилъ: надо было торопиться на работу. Марья, жена Якова, беременная женщина съ испитымъ, теперь испуганнымъ лицомъ, стояла у Якова въ ногахъ, сложивъ на животѣ руки.

— Докторъ пріѣхалъ! — раздались голоса.

Иволгинъ вошелъ въ избу, бросилъ удивленный взглядъ на Лизу, на-ходу слегка поклонился ей и подошелъ къ Якову. Увидя доктора, Марья подвинулась и заплакала.

— Дайте воды! — спокойно сказалъ Иволгинъ.

Онъ обмылъ лицо Якова, долго щупалъ и осматривалъ его.

— Не встанетъ! — выговорилъ онъ тихо. — Вся грудь раздавлена... Лишніе, выйдите изъ избы и откройте окна, здѣсь дышать нечѣмъ...

При его словахъ Марья вскрикнула, всплеснула руками, упала и забилась, какъ кликуша. Заголосили и двѣ невѣстки — со смертью Якова имъ приходилось совсѣмъ плохо; тонко и протяжно, глядя на мать, закричала и бѣлоголовая дѣвочка, до сихъ поръ внимательно осматривавшая Лизу.

Иволгинъ съ помощью какого-то мужика поднялъ Марью и вынесъ въ сѣни, на чистый воздухъ.

— Сыночекъ мой ненаглядный! — шамкала съ печи больная старуха.

Лиза, стоя у дверей, дрожала всѣмъ тѣломъ, но не отъ страха, а отъ глубокой жалости и къ Якову, и къ бѣдной истеричной женщинѣ, и ко всей семьѣ, на которую нежданно-негаданно навалилась бѣда.

Яковъ вдругъ сталъ весь дрожать. Хрипота усилилась. Лицо посинѣло. На губахъ выступила кровавая пѣна. Иволгинъ наклонился къ нему. Одна-двѣ страшныя судороги, какой-то животный жалкій стонъ, и все стихло...

— Кончился!

Иволгинъ подошелъ къ Лизѣ, взялъ ее за руку и сказалъ:

— Пойдемте, все равно помочь нельзя.

У нея была еще одна жалкая помощь. Она подозвала молодую женщину, наконецъ, взявшую изъ люльки кричавшаго ребенка, — при взглядѣ на его грязныя тряпки Лиза ужаснулась, — и положила ей въ руку золотой.

— Пошли тебѣ, Господи, родная! — низко склонилась пла-

Сканировал rutracker.org

чущая баба,—а то въ домѣ ни гроша... И хоронить нечѣмъ... Спасибо тебѣ!..

Лиза и Иволгинъ шли рядомъ по полю; онъ, привыкнувшій къ такимъ сценамъ, сдержанный и спокойный, Лиза—вся взволнованная и удрученная. Теперь она почувствовала, какъ глубоко правъ Рудневъ... Это ужасно, невыносимо жить въ такой духотѣ, нищетѣ, грязи! И пьянство мужиковъ даже находило теперь оправданіе въ ея глазахъ... Ей вдругъ страшно захотѣлось помочь имъ, облегчить ихъ жизнь... И она уже это считала не подвигомъ, а долгомъ...

— Какъ безконечно правъ Петръ Алексѣевичъ!—вдругъ порывисто, со слезами на глазахъ сказала Лиза.—Какъ все это страшно! Я никогда не представляла этого себѣ такъ ясно... Но чѣмъ помочь имъ? Если-бы всѣ, какъ Рудневъ!..

— Вы увлекаетесь первымъ тяжкимъ впечатлѣніемъ,—мягко перебилъ Иволгинъ:—надо смотрѣть на вещи шире и объективнѣе...

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! Я никогда не забуду этого ужаса! Мы всѣ должны работать, какъ Рудневъ...

— Въ настоящую минуту вы, вѣрно, отрицаете работу?—спросилъ Иволгинъ, засматривая въ ея печальные глаза.

Лиза взглянула на него, какъ-будто онъ говорилъ о чемъ-то совсѣмъ постороннемъ, неинтересномъ.

— Вашу... работу? Простите,—она провела рукою по лицу,—я думаю совсѣмъ о другомъ... Объ этомъ послѣ... Пойдете къ намъ?—спросила Лиза, когда они шли съ поля и ихъ догнала крестьянская телѣга, присланная за докторомъ.

— Нѣтъ, домой поѣду. Постойте еще минутку!—просилъ Иволгинъ, удерживая ее за руку и любуясь ею.—Мнѣ ужасно нравится въ васъ то, что вы такъ непосредственно отдаетесь впечатлѣнію, что вы такъ искренни, такъ непохожи на всѣхъ...

— Жаль, что непохожа!—Лиза опустила голову подъ его взглядомъ.—Я завидую вашему уму, энергіи и трудолюбію Руднева... Меня только одно утѣшаетъ, что я современемъ исправлюсь.

Слегка улыбнувшись, она кивнула головой и пошла къ дому.

Иволгинъ, полный любви и нѣжности, смотрѣлъ ей вслѣдъ. Надежда, что когда-либо она будетъ его женою, доставляла ему огромную радость. Онъ видѣлъ всегда ея сочувствіе, зналъ, что она интересуется его дѣломъ. Теперь-же ему вдругъ показалось, что Лиза сразу какъ-то выросла и отошла отъ него, что его работа потеряла важность въ ея глазахъ и что въ настоящую минуту о немъ думаетъ она менѣе всего...

(Продолженіе будетъ.)

Родное небо.

Скучное небо виситъ надо мною,
Точно свинцовой, сплошной пеленою.
По небу сѣрой, безформенной кучей
Тянутся медленно сонныя тучи
И, незнакомыя съ южной грозою,
Тихо роняютъ слезу за слезою.
Краснаго солнышка, веселъ, могучь,
И не проглянетъ живительный лучь
Звѣзды ночныя и тѣ не видны...
Вотъ оно, небо родной стороны!

Ар. Селивановъ.

ОПИСАНІЕ РИСУНКОВЪ.

Кажется, ѣдутъ. (Рис. на стр. 257.) Тишиной и миромъ вѣетъ отъ стѣнъ обители. Зеленый лѣсъ шумитъ вокругъ монастыря и своимъ шумомъ нарушаетъ тишь святыхъ стѣнъ. Два послушника вышли изъ монастыря и, вставъ въ воротахъ, пристально всматриваются на дорогу, по которой долженъ вернуться игуменъ, уѣхавшій изъ обители въ городъ. Ждутъ иноки съ нетерпѣніемъ своего игумена, рѣдко покидающаго монастырь. Солнышко пригрѣло послушниковъ, позолотило листву деревьевъ и, поднимаясь все выше и выше, брызнуло своими лучами на дорогу, на которую устремили свои взоры монахи. Инокамъ кажется, что тамъ, вдали на дорогѣ, поднялась пыль и сѣрымъ столбомъ движется къ монастырю. «Ѣдутъ!»—думаютъ иноки и еще пристальнѣе всматриваются въ даль дороги, по которой столбъ пыли медленно-медленно подвигается къ обители.

Веселая поѣздка. (Рис. на стр. 263.) Чуть-чуть потеплѣло. Вчера шелъ снѣжокъ и бѣлой пеленой покрылъ необозримую поляну, раскинувшуюся между деревнями и селами. Вотъ за околицу одной изъ деревень выѣхала пара лошадей, запряженныхъ въ легкія сани. Копна сѣна, покрытая рогожей, составляетъ сидѣнье для двухъ молодыхъ людей, отправившихся въ веселую поѣздку по только что запорошенному снѣгомъ пути. Быстро бѣгутъ лошади, позвякивая бубенцами, ныряютъ сани по ухабамъ, а молодежь весело покрикиваетъ и мчится дальше и дальше. Какъ дѣти, рады они и теплому, съ чуть замѣтнымъ морозцомъ дню, и молчаливой дорогѣ, по которой нѣтъ встрѣчныхъ возовъ. Быстро-быстро бьется сердце отъ лихой ѣзды, раскраснѣлись лица, а кони мчатъ и мчатъ въ невѣдомую даль, гдѣ такъ хорошо дышится, и кажется, не предвидится конца этой веселой поѣздкѣ.

Персидскіе купцы въ Венеціи. (Рис. на стр. 265.) Царица Адріатики, выстроенная на лагунахъ, съ тысячами мраморныхъ дворцовъ, богатая Венеція въ былыя времена привлекала къ себѣ купцовъ и торговыхъ людей изъ всѣхъ странъ свѣта. Но чаще другихъ въ Венеціи появлялись купцы изъ Персіи, привозя въ роскошный городъ драгоцѣнные ткани, ковры и камни. Они знали, что богатая, роскошная Венеція все раскупитъ, всему здѣсь найдется сбытъ, и купцы не ошибались: ихъ суда, нагруженныя товаромъ, быстро пустѣли, и персіане, довольные торгомъ, съ мѣшками, набитыми золотомъ, возвращались въ свой край, чтобы на будущій годъ снова посѣтить городъ красоты и чудесъ. Одна изъ сценъ предложенія товаровъ персидскими купцами богатымъ венеціанкамъ изображена на стр. 265 этого номера журнала.

Въ провинціи. (Рис. на стр. 271.) Весна. Снѣгъ стаялъ. Кой-гдѣ на полянкахъ появилась первая зелень. Радуетъ она взоръ, но зато мало радости даетъ улица провинціальнаго города. Немощеная, съ невылазной грязью, черной полосой тянется она среди деревянныхъ домовъ. Медленно-медленно тащится по невылазной грязи пара воловъ, съ трудомъ таща тяжелую телѣгу. Вылѣзли изъ дворовъ и постоянные аборигены провинціальныхъ улицъ—свиньи. Рады эти животныя грязи, роются они въ ней и съ удовольствіемъ хрюкаютъ. Весь пейзажъ сѣренькаго провинціальнаго города тоскливъ и печаленъ, на немъ лежитъ отпечатокъ чего-то грустнаго, и только ширь, окружающая заброшенный городокъ, скрадываетъ его неприглядныя стороны да раскинувшееся надъ нимъ безбрежное небо придаетъ сѣрому городку своеобразную красоту.

На высотахъ Монмартра при взятіи Парижа. (Къ рис. на стр. 273.) Грозныя событія 1812 года, приведшія Наполеона въ Москву, въ концѣ концовъ, разрѣшились бѣгствомъ завоевателя изъ первопрестольной и образованіемъ «Священнаго союза» для борьбы съ великимъ корсиканцемъ. Союзныя войска Россіи, Австріи и Пруссіи двинулись къ столицѣ Франціи, Парижу, и осадили ее. Узнавъ объ этомъ, Наполеонъ сначала думалъ направить свои войска къ шалонской дорогѣ, въ тылъ осаждающей арміи, но, опасаясь задержекъ при переправѣ черезъ Марну, пошелъ къ столицѣ кружнымъ путемъ на Труа и Фонтенбло. Но судьба Парижа въ это время была уже рѣшена. Послѣ взятія высотъ Монмартра, городъ былъ сданъ союзникамъ. Подробное описаніе взятія Парижа читатели найдутъ въ книгѣ Михайловскаго-Данилевскаго «Отечественная война», изданіе А. А. Каспари.

На театрѣ войны на Дальнемъ Востокѣ. (Рис. на стр. 281.) Въ журналѣ «Родина» уже не разъ помѣщались рисунки, касающіеся военныхъ дѣйствій на Дальнемъ Востокѣ. Въ настоящемъ номерѣ помѣщены четыре рисунка изъ эпизодовъ русско-японской войны: 1) бивакъ 3-го сибирскаго армейскаго корпуса, 2) спускъ съ перевала, 3) плѣнный японецъ и 4) стоянка казаковъ. На этихъ рисункахъ нѣтъ битвъ, и кажется, что на поляхъ Манчжуріи происходятъ мирные маневры, но это—одна сторона войны, подготовительная,—подготовительная, можетъ быть, къ большому и грозному сраженію.

Редакторъ-издатель А. А. Каспари Редакторъ Ник. А. Каспари.

Сканирован rutracker.org

Поставщикъ Двора
Е. И. В. Великаго Князя Сергѣя Александровича.
СѢМЕННАЯ
торговля 848
А. Б. Мейеръ.
МОСКВА.
Иллюстрированные каталоги сѣменамъ, цвѣточнымъ луковицамъ и растеніямъ высылаются
БЕЗПЛАТНО.

НИКОЦІАНА САНДЕРЭ.
Табакъ душистый красный. Лучшее нововведеніе послѣдняго года, заслуживающее всеобщаго вниманія.
№ 12935, пакетъ—40 коп.

722

Я. БЕККЕРЪ
ПОСТАВЩИКЪ
ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА.
СПБ., Казанская площ., № 18.

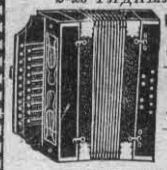
РОЯЛИ.
ПІАНИНО.
Иллюстриров. каталоги безплатно.

ПЕРУИН,
въ составъ котораго не входитъ ниодно вредное вещество, **останавливаетъ** 223
ВЫПАДЕНІЕ ВОЛОСЪ,
УКРѢПЛЯЕТЪ ОСТАВШІЕСЯ ВОЛОСЫ
и устраняетъ перхоть.
Продается вездѣ—1 р. 75 к. фл., или пересыл. прямо изъ оптоваго склада Базаръ Маронъ, СПБ., Невскій, № 20.

Цѣна отдѣльныхъ номеровъ журнала „РОДИНА", кромѣ 1-го, безъ приложеній—15 коп. безъ перес. и 25 коп. съ пересылкой.

ГАРМОНІИ

ВѢНСКІЯ съ МѢДНЫМИ планками УГЛЫ МѢХА ОБИТЫ МЕТАЛ.
2-хъ РЯДНЫЯ, 21 клапанъ.



ГОЛОСА НОВАГО СЕРЕБРА
11 р. 13 р. 15 р.
8 бас. 10 бас. 12 бас.
СТАЛЬНЫЕ голоса
16 р. 20 р. 24 р.
8 бас. 10 бас. 12 бас.
и дороже.
САМОУЧИТЕЛЬ 1 РУБ.

ЛИВЕНСКІЯ МѢДНЫЕ ГОЛОСА ЖЕЛѢЗНЫЯ ПЛАНКИ
2 р. 50 к., 3, 4, 5 р.

ГОЛОСА НОВАГО СЕРЕБРА
МѢДНЫЯ ПЛАНКИ
5 р. 50 к., 6 р. 25 к., 7 р.
8 руб., 9 руб. 50 к.
СТАЛЬНЫЕ голоса
МѢДНЫЯ ПЛАНКИ
10 р. 50 к., 11 р. 75 к., 12 р. 50 к., 14, 16 р.
САМОУЧИТЕЛЬ 75 КОП.

АЗІАТСКІЯ ИТАЛЬЯНСКІЙ-РОЯЛЬНЫЙ СТРОЙ
МѢДНЫЯ ПЛАНКИ, МѢДНЫЕ ГОЛОСА.
УГЛЫ МѢХА ОБИТЫ МЕТАЛЛОМЪ.

3-хъ ПЛАНОЧНЫЯ
12 клап. 14 клап.
7 руб. 8 руб.
4-хъ ПЛАНОЧНЫЯ
14 клап. 16 клап. 18 клап.
9. 50 к. 10. 50 к. 12 руб.
5-ти ПЛАНОЧНЫЯ
14 клап. 16 клап. 18 клап.
11 р. 50 к. 13 руб. 15 руб.
САМОУЧИТЕЛЬ 1 РУБ.

По полученіи задатка 1/3 стоимости высыл. съ наложеннымъ платежомъ.
И. А. НОВИКОВЪ,
МОСКВА, СРѢТЕНКА.
СКЛАДЪ МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТ.
Прейсъ-курантъ безплатно.

КАКАО ВАНЪ-ГУТЕНА
СЛѢДОВАЛО-БЫ ВСЯКОМУ ПОСТАВИТЬ СЕБѢ ЗА ПРАВИЛО
вмѣсто ЧАЯ или КОФЕ пить къ завтраку
УКРѢПЛЯЮЩЕЕ
КАКАО ВАНЪ-ГУТЕНА
Фабриканты C. J. van Houten & Zoon, Weesp (Голландія).

ЧИСТОЕ ЛИЦО
получается скоро послѣ употребленія новаго средства

Угрин
отъ
ПРЫЩЕЙ и УГРЕЙ
Продается вездѣ по 1 р. 90 к. за банку.
Перес. налож. плат. изъ оптов. склада Рич. Пето. СПБ. Каравай. ул. 16, кв. 9.

ФРАНЦУЗСКОЕ и ПОПУЛЯРН. СРЕДСТВО отъ **ОБЫЧН. ЗАПОРА**
Доза: 2 пилюли вечеромъ, ложась спать.
Не производитъ **болей въ желудкѣ, ни тошноты.**